

84(2-632.1
Б-386.

Бронтой
Бедюров

эль.
БАБУРГАН

380346

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

3 ТМО Т. 1 млн. 3. 167—81

27

**Бронтой
Бедюров**

**Эль -
БАБУРГАН**

книга стихов

Перевод с алтайского

БАРНАУЛ
АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1982

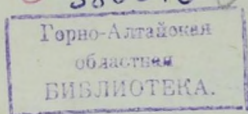
с (Алт.)

Р 2

Б 386

Рецензент
кандидат филологических наук
Э. Хомич

0 380346 0 ✓

Бедюров Б. Я.
Б 38 Эль-Бабурган: Стихи/ Перевод с ал-
тайского. — Барнаул: Алт. кн. изд.,
1982. — 128 с.

В новую книгу вошли стихотворения разных лет. Фольклор, обычаи алтайского народа, языческие обряды, утратившие религиозную окраску, придают стихам национальный колорит, выразительность и своеобразие.

Переводы выполнены известными советскими поэтами Я. Смеляковым, Я. Козловским, И. Фояковым и другими.

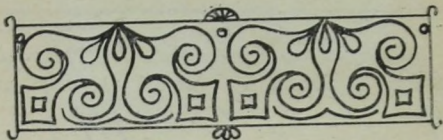
Б $\frac{70402-25}{M138(03)-82}$ 24-82. 4702010200 P2

© Алтайское книжное издательство, 1982.

ПЕСНИ МОЛОДОГО МАЙМАНА

1965—1978 гг.

ПЕСНЬ УЗНАВАНИЯ

Народ мой с добрыми глазами,
Вот горы и леса твои.
А над горами и лесами,
Как ветры, голоса твои.

Песнь вековечная не может
Уйти в забвенье, как в песок.
И дума вечная тревожит,
Смиряет сердце, жжет висок.

Там, за отрогами столетий,
Начало, скрытое во мгле.
Вершина жизни, пропасть смерти —
Вы, как и прежде, на земле.

Сказанье о долготерпенье
В старинной песне слышу я,
Но в ней надежды и стремленья
Звенит прозрачная струя.

Не только счастья и достатка
Теперь настали времена,
И не поет умильно-сладко
Повествования струна.

Настало время осмысленья
И узнавания себя.
Ясней понятия: поколение,
Народ и Родина. Судьба.

Мечта, что стала явью зримой,
Рождает новую мечту,
Ведя дорогою торимой
За перевалы, в высоту.

ПЕСНЬ ОЖИВШЕЙ УЛЫБКЕ

И видится: горы,
 родимые горы,
раздвинув огромные глубины век,
впервые от сна пробудились
 и гордо
глаза распахнули,
 и в очи им — свет!
Ресницы дрожат; золотою долиной
раскинулся солнечный мир
 перед ними.

Или все это почудилось мне?
Или это всего лишь воображение мое?
Ночь — и ветер...
Ночь — и ветер...

С пронзительным свистом
бушующий ветер
над снежной долиною
дыбит снега,
играя, искрится в мерцающем свете...
Но нет, то — не ветер, не сон, не пурга.

То — гор моих синих, уставших от стужи,
дыханье-волнение вздымается выюжно.

А я

умею пить обнаженный воздух, не обжигаясь.
Это — когда скачешь и кажется,
ветер сейчас рассекает лицо.

И в миг этой режущей, радостной боли
ты вдруг переходишь звенящую грань,
ту грань, за которой, как явь, пред тобою
лик родины древней —
из памяти ран.

И там — острый и узкий —
мне в сердце так метко
вонзается пристальный взгляд
моих предков.

Это — неугасшее в нас волнение —
наследство багряных веков.
Стереть эту скорбь невозможно —
так глубока она в сердце...

Вглядываюсь:

нет, не в моем воображении,
не в образов броских
случайной игре,
не памяти пестрой в далеких виденьях —
вот здесь, наяву
ты — Отчизна-Эне.

И ласково-сдержанно горы касаются
улыбкой живого лица
глаз алтайца.

ПЕСНИ-НАБРОСКИ ГОРНЫХ РАВНИН

1.

Ночь.
День.
Капли, стекая
по темной коре,
падали на лицо.
И в тишине
бус дождевых
слышался мне
перезвон.

2.

Угнали синеву на север облака,
гряда вершин вновь отозвалась грому,
и небо,
став дырявым, разревелось,
был бесконечным чмокающий дождь.
Он припадал к земле,
чтоб даже в тундре горной,
которая бесплодную казалась,
произошло рождение травы.
Прильнул к земле я ухом
и слышал,
что сабелек зеленых грянул звон.

3.

Конь храпит подо мною на горной тропе
и грызет удила и глазами косит,
может, барс притаился за ближней скалой,
иль ощерился бездной взметенный гранит...

Зря храпел мой скакун. Нам никто не грозил.
Возвышался валун, за которым цветы
мне стыдливых девчонок являли черты
и украдкой поглядывали на меня.

И коснулся коня
я колечками шпор,
лихо гикнул,
и вылетел он на простор.

4.

Туманами дышал проснувшийся таскыл*,
по челке ледника луч утренний скользил,
покинув высь,
он прыгнул мне в седло.
Воскликнул я: «Держись!
Хватайся за луку!
Коня свободна рысь. Поскачем на луга!
Там взвился бубенец под купол голубой.
На стойбище с тобой
заскочим мы.
Держись, мой мальчик —
солнечный юнец!»

5.

Привет тебе, любезный Токтубай,
равнины горной
житель тороватый.
Я твоего аила завсегдатай.
Доносится собак знакомый лай,
и вижу, как дымятся тюндюки**,
чьи струйки дыма
мне всегда сладки.

* Т а с к ы л — горная тундра.

** Т ю н д ю к — дымоход.

6.

Дождь над горами повис,
и кажется, будто бы гребень
синюю косу небес
расчесывает не спеша.

А на душе безмятежность
и отголосок тревоги.
Сквозь узкий гляжу дымоход
и вижу огромное небо.

7.

Белая, как облака,
поднесена арака.
Говорит ото всей души
мне Токтубая мать:

«Ты пиалу осуши
и к очагу присядь!»
Стара и добра она.
Пью пиалу до дна.

8.

Рдели угли в очаге,
и захотелось
мне запеть так просто,
безыскусно,
как поют сородичи издревле,
как поет, к примеру,
Токтубай.

ПЕСНЬ МОЛОДОГО МАЙМАНА*

* * *

В Каракольской долине
дремлющая тишина.
На плечах величавых кедров
Покоится вышина.

И бренчат удила исконно,
и трава во тьме шелестит.
А на вещей траве
отпечаток копыт.

В Каракольской долине
тревогой пронизаны сны,
и пришпорены всадниками
уставшие скакуны.

Лики скачущих скрыты мраком,
в тучах кроется лунный свет.
Снова слышится:
— Стой!
Кто ты: свой или нет?!

А в ответ только топот
коней.
И безмолвья туман.
Отпрыск древнего племени —
голову свесил майман.

Но о чем он грустит,
словно стянут на сердце аркан?

* М а й м а н ы — алтайское племя.

Знаменит родословною
этот майман.

Боли своей поныне
ни разу не выдал он.
И видит в дыму преданий
исполненный яви сон.

Ему в Караколе ночью
напоминают костры
облики невозвратимой,
но удалой поры.

И запекает песню
он о земной любви,
языческий пламень которой
мерцает в его крови.

Ему одиноко ныне,
разлукой майман пленен.
Издалека ты услышь, Уч-Сюмер,
о том, как тоскует он.

* * *

Каракол, Каракол,
нет опоры вернее стремя.
Высь тропа захлестнула,
как белый аркан.
И речного мятежного гула
слышит отзвуки юный майман.
Хоть не спится сегодня,
а снится
ему милая — Ару-Баян.
На свидание с нею
готов он сквозь темень скакать.

Без возлюбленной
ночи
легко ли ему коротать?
И зовет он коня,
где туман до колен:
— Отзовись, мой скакун,
иноходец Кайчи-Дьерен!

И садится лихой в седло,
и, как ветер ночной, летит:
— Пой, возлюбленная, со мной!..
Звезды сыплются из-под копыт...

— Я промчался сквозь мрак ночной,
обронив пророческий свет.
Чей-то крик у меня за спиной
полыхнул, словно выстрел вслед.

И сородичей в тьме ночной
видел облики я опять
с ножевым разрезом очей
и бровями — крылам под стать.

Лейся, песнь моя, животворно,
стань дождем для сухой земли,
чтоб врагу на погибель
зерна
давних чаяний проросли.

Тишина ни жива ни мертва,
тьма ночная подобна погоне,
но ушел я,
сорвиголова,
сзади рухнули черные кони.

Потянула поводья рука,
и рассветного часа предтечи —
у стремян проплывают века,
осыпаются звезды на плечи.

* * *

Докурили в молчании трубки,
праздной суетности далеки,
словно высеченные из камня,
смуглолицые ездоки.

И, раздвинув години, как ветки,
вижу, словно в просветах листвы:
снова предки
коней оседлали.
Я кричу им:
— Далеко ли вы?

Где коней расседлаете завтра,
где присядете возле огня?
Разглядеть сквозь усталые веки
вы сумеете ль ныне меня?

Мои мысли прочтете ль во взгляде
и поймете ль в подлунной нови,
что слышу,
как майман неподкупный,
я наследником вашей любви?

Где Кайчи, мой скакун быстроногий,
чтоб к любимой добраться я смог?
Ни коня, ни любимой,
лишь сумрак
на вершины окрестные лег.

Молчаливые предки куда-то
ускакали за темный хребет.
Кто тропу мне укажет к любимой,
кто подаст мне, как стремя, совет?..

В Каракольской долине уснули
деревя.
И таинственная мгла.
След копыт на траве еле виден,
еле слышно бренчат удила.

ЗИМНЯЯ ПЕСНЬ КОМУСА

Сестры-сосны, взобравшись на склон,
сбились в кучу, глядят на долину,
где, снегами почти занесен,
санный след разделяет равнину,
и стоят, зачарованы днем,
что-то дальнее слушая в нем.

И стога, что в окрестных логах
терпеливо дремали всю осень,
побурев на знобящих ветрах,
взор кидают в холодную просинь,
но никак не откликнется в ней
заблудившийся посвист саней.

Нет, долина светла и пуста,
лишь забьется порошею песня,
то растает в снегах без следа,
то опять улетит в поднебесье
озорной немудреный мотив,
без которого трудно в пути.

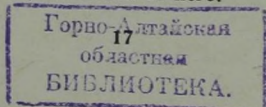
380346.
Это, видно, парнишка-пастух,
что живет первый год на стоянке,
мчит домой, и летят во весь дух
тонкой кожей подбитые санки.
Даже песня, что парень поет,
как ни рвется вперед, отстаёт.

ПЕСНЬ СИНЕГО ВОЛКА

Я круто задираю морду к небу
и воем раздираю тишину...
Как никогда, сейчас хотелось мне бы
вцепиться в полногорлую луну.
Последней песни трудное начало,
слюна с тяжелым привкусом свинца.
И чудится: дыханья не достало,
гонцы Всесильной алчно ждут конца.

Нет, все не так! Я боевую песню
готов назло всем страхам затянуть,
я бег затею полночью беззвездной
и по-над бездной проторю свой путь.
Пусть ветер свищет мощно и двупало,
срезая бритвой кончики ушей,
сдаваться мне без бою не пристало.
Я — волк и верен участи своей.
Пускай ворвется в ноздри кисло-сладкий
кочевья запах и, как прежде, Ночь
заляжет хищной кошкою в распадке,
чтоб подстеречь меня и превозмочь.

Пускай я стар, пускай давно не в радость
подобный бег для сердца моего,
но сила для прыжка еще осталась
и вам не уклониться от него.

Я, напевая сумрачную песню
на грани света и могильной мглы,
вам не хочу казаться интересней,
как поначалу думать вы могли.
Я — Синий Волк и никогда, поверьте,
себе бесчестной доли не искал.
Я прожил жизнь на волоске от смерти
и кровь не раз ручьями проливал.
Неслись безлико месяцы и годы,
и вот сегодня, поглядев назад,
я осознал, что был рабом свободы,
и этому открытию не рад.
Я осознал, что перед всеми вами
в особенном безвыходном долгу,
и не расчесть слезными словами,
и уходить неправым не могу.

В моих глазах, обкатанных, как камни,
степною окаянною тоской,
накопленный праволчьими веками
мерцает ум, а не инстинкт слепой.
В моих глазах, тускнеющих от боли,
скопилась желчь неправедных годов,
и память возвращает поневоле
все, что благословлять и клясть готов...
Да, я рыдал, когда смеялись люди,
мне было больно от веселья их,
и ликовал порою зло и люто,
когда встречал людей в слезах, смешных.
И все же редко видел слезы эти
(привыкли люди тяготы сносить),
а сколько раз случалось на рассвете
и ночью поздней ноги уносить.
Но никогда я не был обездолен
оцепенелой жизнью в конуре,

и завистью чернейшей не был болен
к домашним псам, смердящим во дворе.
Они подачки ждали то и дело,
поджав трусливо куцые хвосты;
у них глаза слезились онемело,
и пищи слепо вопрошали рты...

Вечноживущий мир! Внемли ж спокойно
моим рыданиям, признаюсь тебе:
я был не раз смирен твоей рукою
и все-таки не побежден в борьбе.
Я отвергаю трепетную участь —
бояться смерти — и хочу пропеть
в последний раз, блаженствуя и мучась,
о том, что лучше в схватке умереть.
Когда в мои тускнеющие очи
сквозь черные клубы всевечной мглы
на миг рассвет прорвется средоточьем
огня и жизни, как укол иглы,
то с треском слабым отлетевшей ветки
жизнь отойдет, я рухну не дыша;
и вздрогнут каменеющие веки,
и вырвется бессмертная душа,
и Ночь ее подхватит и мгновенно
умчит в страну, где вечная весна
и синее безоблачное небо
вызывают к пробуждению ото сна.

ПЕСНЬ О БЕГУЩИХ ДЕВУШКАХ

По улице среди сугробов снежных
Три девушки навстречу мне бежали —
Три девушки красивых, сильных, нежных.

И, зачарован, я остановился:
Они бежали легче ланей горных,
Их чистый смех, казалось мне, светился.

Их юных губ касался на мгновенье
Холодный ветер, смешанный со снегом,
И ввысь, клубясь, вздымался в упоенье!

Глаза их... Впрочем, знаете вы сами,
Как девушки смотреть волшебю могут
Совсем обыкновенными глазами!

И вдруг одна — о жалость! — поскользнулась.
Бедняжка-фея! Как, должно быть, больно
Тебя земля жестокая коснулась!

Я помогу! Дай руку мне, как брату!
Но уж над ней склоняются подружки,
Мой миг мелькнул и скрылся без возврата.

Она встает, смущаясь, чуть хромая,
И вдруг расхохоталась беззаботно,
Стремительная, сильная, земная!

В кружение начинавшейся метели
Они еще секунду постояли
И дальше в ночь, как птицы, полетели.

Я вслед глядел, страдая и ревнуя
К снегам, и к ветру, и ко всей Вселенной,
Но видел только темноту ночную.

Но что-то все же изменилось в мире,
Но что-то все же изменилось в сердце —
Казалась улица светлей и шире.

А к звездам путь прямее и короче.
Откуда и куда они промчались,
Красавицы, богини Синей Ночи?

Они промчались улицей пустынной
И унесли с собой свой смех задорный
И долгий-долгий взгляд мой...

ПЕСНЬ СТЕРЕГУЩИХ ЗОЛОТО ГРИФОВ

Откинув назад эпикантус
огненных огромных веков,
мы очнулись сегодня,
мы сегодня узнали
это трудное счастье —
увидеть простор.

И мы видим, как вереницы ночей
расступились и захлопнулись снова
за нами.

Потом еще пристальней вгляделись —
и узнали о рождении великого мира,
который предстал
в отблесках вечных восходов
перед нами.

Мы сегодня очнулись,
понимаем
в мире этом состояние мига,
когда

глаза молча глядят в глаза,
выдерживая взгляды.

Пронзительные глаза,
требующие трудной правды,
высмеивают
глаза, которые восторгались

преходящей ложью;
выжигают глаза,
которые поддавались
преходящей силе.
Мы сегодня очнулись
и осознали бой,
идуший в тишине,
невидимый бой.
Это перед нами стоит век,
названный людьми
двадцатым.
Звенит смех —
он принадлежит людям этого века.
Бряцает оружие —
оно принадлежит людям этого века.
О, наш век, в узанных нами абстракциях!
О, контрасты дорог, выводящих нас
из тьмы монотонных монгольских веков!
Свет,
свет,
свет,
ослепительный свет!..
Мы входим в мир вечного солнца,
вздымая тревоги
над опрокинутым бегом дорог,
где крики, как бури,
а бури, как пыль,
оседали на миг,
оседали на век,
оседали на лица,
оседали на сердце.
Позади —
под фантастический вой
распаленной луны,
под яростный грохот
фанатических бубнов,

твердящих свое,
остались,
остались,
остались,
пепельным провалом памяти
остались
бои,
боли,
боги
и кони.

И тоскливое ржанье
ветров из пустыни Гоби
нам —
рваная рана на сердце,
тем, кто себя обновлял
в присутствии годов,
как бесстрашных судей,
повелевших ночам,
как вратам,
расступиться,
пропустить нас
и захлопнуться снова
за нами.

...Откинув назад эпикантус
огненных огромных веков,
мы впервые узнали
это нежное счастье —
увидеть простор.

ПЕСНЬ
О СИНЕМ НЕБЕ АЛТАЯ

Я
за собою оставил
синее небо
открытым,
в котором прорезались
звезды,
как сонм человеческих глаз.
И кажется,
небо хочет,
сделавшись следопытом,
в таинство жизни вечной
проникнуть не в первый раз.

Взгляд Кюль-Тегина
помню.
Умел лихой полководец,
словно
стрелой из лука,
взглядом пронзить
насквозь.
И мудрый взор
Тоньюкука
из незапамятной дали
брось на нас время,
брось!
А солнце
проходит рядом,
лица моего
касаясь,
и золотые изделия
разбрасывает вокруг.
Мир этот древний
и юный

понять не сумел
досель я
с бездной
его позора,
с нагорьем
его заслуг.
Под тяжестью невесомой
язычники-скалы
осели,
откуда, как бубен,
луна
каждую ночь доселе
всплывает со дня
творенья,
словно из колыбели,
таинственности полна.
Мы тоже, как скалы,
осели
под тяжестью
гулкового неба,
не в силах сердцам,
как радарам,
завидную чуткость
придать,
чтоб из грядущего века,
не ради насущного
хлеба,
могли с упоительным
жаром
сигналы они принимать.

Но знаю:
уже трещала
башка голубого тюрка
от расщепленных мыслей,
которые напоминали

падение звезд
с вышины.
И тучи над предками
висли,
и ливни по лицам хлестали,
а мысли
на кручах надежды
будили тревожные сны.

Гром грохотал,
раскрывались
предков раскосые очи,
как семена пшеницы,
дремавшие
до весны.

Скользили по кручам
взоры,
покуда хватало мочи,
и с них срывались,
ликуя,
как боевые птицы
в час смертный,
себе верны.

И поднимались колосья
до самого синего неба,
но, опаленные зноем,
сгорали
в полях сухих.

Губ обескровленных крики
таяли в воздухе
немо.

Как синий орган,
безмолвье
окрест заглушало их.

Растрескались и поблекли

зеленых долин полотна,
и только небо
осталось,
где солнцу
вознесены
снежных вершин ладони,
которые не беззаботно
ловить,
забывая усталость,
грозы обречены.

И водопады по ребрам
нагорие быют
в экстазе,
чтоб загудел, как прежде,
синий орган
тишины
и воскресил былое
в неторопливом сказе.
И верность хранил
надежде,
исполненный вышины.

И я за собою оставил
немеркнувшим и открытым
небо,
синее небо Алтая,
в котором
прорезались звезд глаза;
хотят они алчным взором
в суть бытия проникнуть:
льнет к тайным его
орбитам
мерцающая бирюза.
Это —
взгляд Кюль-Тегина,

это —
взгляд Тоньюкука,
оба в самую душу
стараются заглянуть.
Знай,
ветер седоголовый,
путь продолжая,
не струшу
перед тобой,
хоть снова
бросишься мне на грудь!

ПЕСНЬ ДНЕЙ ОДИНОКИХ

Как-то раз проснулся я,
и окрест
на склонах гор
был горячим конский дых,
и клубились облака.

А в другой проснувшись раз,
увидал на склонах гор
киноварь пожара я
и туманность чьих-то лиц.

И, проснувшись в третий раз,
я увидел пред собой
степь,
открывшуюся вдруг
на четыре стороны.

И, губами шевеля
в безнадежной немоте,
призраки

чредою шли,
чем-то схожие со мной.

Оказалось:
это дни,
что провел я вдалеке
от родимой стороны,
исходя тоской по ней.

ПЕСНЬ О ШУНУ

По преданию, Шуну* ушел
в пределы России.

Конь мой заржал, точно подал знак,
Словно сказал мне: время!
Рвется вперед огонь-аргамак,
Держит подруга стремя.

Привязь грызет он, скакун лихой,
Бьет копытом ретивый.
Милая плачет, склонясь над лукой,
Гладит конскую гриву.

Мир о шести сторонах для нас,
Снежные пляшут клочья.
И полетел я, не жмуря глаз,
В сторону Полуночья.
Все двенадцать лун
за спиной у меня
Закрутились, в былое канув.

* Шуну — герой джунгарского народа.

С завистью смотрит на бег коня
Созвездье Семи Ханов*.

Я — легендарный герой Шуну,
Мчусь сквозь века, сквозь бураны.
В небе пылинкой заката сверкну,
В глубь России кану.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЬ-ИМПРОВИЗАЦИЯ НА ШООРЕ

Парень, табунщик лихой, в огненной шапке лисьей
С песнею гонит с горы коней золотых табуны.
Белые шапки на брови глубоко надвинули выси
Не для того ль, чтоб макушки — печальны и лысы —
Не были встречным видны?!

Горы надвинули шапки на самые брови
Не для того ли — скажу я, подумав слегка, —
Чтоб не заметил никто,
Что они — всех суровых суровой —
Песни заслушались юного озорника?..

Гонит коней золотых
Парень то в небо, то в падь.
Звонко поет и не видит,
Что скорбно глядят они, горы,
Зная, как будут они без людей тосковать
Здесь, в одиночестве, в зимнюю пору.

Песня летит по горам, с мига на миг молодея,
Скачет табун, а вослед, как отсталая кобылица,
Осень бредет... Не догнать ей товарищей — где ей?!
Осень бредет в тишине. Двигается медленно. Длится.

* Семь Ханов — созвездье Большой Медведицы.

Осень бредет... А навстречу — чуть слышимый шорох.
Странно и грустно приветствуют осень поля,
Словно играет на тонких шоорах
Песни забытой мотив замирающая земля.

Ветер услышал печальный медлительный звук
И рассердился, должно быть. Вскочил он
и вспрыгнул игриво
Прямо на горный хребет. Вцепился в лиловую гриву
И раскачался — совсем как на гибких ветвях бурундук.

Все же сорвался... И кубарем с высей крутых
Прямо по склону, изогнутому дугою,
Следом за парнем с конями... Догнал их, настиг...
Нет, не их!
Шапка все та же на парне. Лицо почему-то другое.

Где озорство? Он как будто бы встретил беду?
Или же счастье нагнал, прискакав по далекому зову?
Девушка рядом стоит. Держит коня в поводу.
Не по-весеннему держит опущенный повод.

И на лице у нее — отблеск улыбки и слез.
Ветер подкрался к ней... Быстрой рукою — как тронет!..
Радость оставил, печали с собою унес,
Все огорченья унес он в легчайшей ладони.

Горы увидели все. И, чтоб рассмотреть их получше,
Ближе придвинулись... Все боясь их смущать,
В сумрак вечерний закутались горы опять,
Белые шапки свои на глаза нахлобуча.

ПЕСНЬ О БЕЛОМ СНЕГЕ

Поздно вечером я возвращался с работы,
и мне было так хорошо, так легко, моя любимая!

Это выпал белый снег.

Когда я шел на работу, деревья теплыми были,
а теперь они стоят, как модницы, в серебряных серьгах,
и провода, осев под тяжестью снега,
превратились в чудесные длинные ожерелья.
С крыш падали звучащие капли,
напомнившие мне шустрых воробьев.

Маленький город стал белым и просторным.

Небо подарило мне белую косулю — зимнюю ночь
любви и спокойствия.

Когда я поздно вечером возвращался с работы,
навстречу мне шел мужчина, широко распахнув
тяжелое пальто,
веселехонький, как мой брат,
когда жена родила ему сынишку.

Когда я поздно вечером возвращался с работы,
я увидел влюбленных.

Он пригнул снежную лапчатую ветвь
и бережно стряхнул чистый снег на непокрытые волосы
своей возлюбленной.

Она засмеялась,
и от этого смеха снег тотчас растаял.

Вот что происходило,
пока я поздно вечером возвращался с работы.

ПЕСНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ МАТЕРИ

Рубашка, которую ты
постирала мне на дорогу,
на теле моем, пропитанном пылью
Великой Степи,
на мне,
точно светлая память, хранимая строго,
о шершавых ладонях твоих, эне!*

Курут, белый сыр,
тот, что ты мне дала на дорогу,
я не ем, берегу до решающих дней,
как суровую память,
ту, что можно лишь изредка трогать, —
о белом молоке
твоих грудей иссохших, эне!

А сам все пою ту песню,
длинную-длинную песню твою,
ту, которую ты нам пела
в детстве далеком.

Под звуки той песни когда-то,
держась за подол, я встал и пошел.
Под звуки той песни
один за другим,
легко разгибая тонкие ножки свои,
поднимались мы все, эличата**,

* Э не — мать.

** Э л и ч а т а — детеныши косули.

А поднимаясь, мы видели солнце щедрое
над нашими маленькими,
точно шишки у кедра,
головками,
и мы солнцу махали все вместе
руками неловкими,
похожими на стебельки
с пятью лепестками.
Под звуки той песни.

Да, я все чаще пою
песню, что пела нам ты,
эту вечную песню Пути,
ту, которую начал я там,
на склонах моей Теректы.

ПЕСНЬ О ВЕСЕЛОМ ВСАДНИКЕ

Скачет всадник в тумане вечернем
И свистит —
Видно, парень лихой.
Звук копыт — как чеканка по черни.
Звонкий топот летит над рекой.

И протяжно откликнулись эхом
Все печали мои, чтобы вмиг
Отлететь и пропасть,
чтобы смехом,
Свистом стать у порогов речных.
Гей ты, всадник, алтайский наездник,
Ясноглазый мой брат на земле!
Свист, и клики,
и топот,
и песня —
Так услышал тебя я во мгле!

От пастушьих костров медноскулый,
Как и я,
Только ты веселей:
В дальнем городе с суетным гулом
Нет урочищ таких и полей...

Хорошо, что мы вдруг повстречались,
Хоть во тьме ты не видел меня.
Застит только туман —
Не печали —
Путь мой долгий, рассветом маня.

Только все ж
Я жалею немного:
Нет второго коня, чтоб двоих
Ветром скачки пьянила дорога
И несла до отрогов крутых,

Чтоб он тоже назвал меня братом,
Этот парень горластый, лихой.
Чтоб хватило мне
Воли крылатой
До скончания века с лихвой!

ПЕСНЬ О ТОРЕ*

Черным лесом поросшие склоны,
где звериный почувствуешь взгляд,
где, как воины в шлемах зеленых,
вековые курганы стоят,
юный всадник, что стелется в спешке,
горделивая удаль коня —
этот мир, неизбывный и вешний,
пред глазами всегда у меня.

* Тор — закон, уложение.

Тихо радуга полудня вспыхнет
на плече у горы Тектиреш,
тетивою оборванной стихнет,
уступая вечерней поре,
и тогда зазвенит, заиграет
на груди у горы Самарган
предзакатная радуга, краем
зацепив самый дальний курган.
Неприметная сизая птичка
о заботах щебечет в логу.
Ах ты, птичка моя, невеличка,
всем, чем хочешь, тебе помогу.
Что ж поделаешь, если годами
отмеряться дорога пошла?!
Но послышится вдруг за плечами
дальний голос родного села.
И не в силах стреножить волнение,
с полдороги назад поверну,
можжевеловый дым очищенья,
припадая к долинам, вдохну.
Все на свете кругами своими
среди житейской идет быстрины,
даже самое звонкое имя
звук пустой без родной стороны.
Разве может быть что-то достойней,
чем работать и сына растить
да глядеть, чтобы отчие корни
он не смог никогда позабыть?
Нужно жить, чтобы в радость казался
трудовой обжигающий пот,
чтобы тор нерушимо держался
даже в цепких объятьях невзгод.
Это — главная в мире забота,
без которой нет жизни тебе:
о продлении родины, рода,
о народной, родимой судьбе.

ПЕСНЬ-ОТВЕТ ХАН-АЛТАЯ

— О Алтай наш солнечно-лунный,
ты настрой на топшуре струны,
расскажи, как нам дальше быть,
силу вольную не избыть,
чтоб горел, не погас очаг,
чтобы наш батыр не зачах? —
говорят, так вскричал однажды
стихотворец один отважный,
от отчаянья возрыдав,
всех соседей вокруг собрав.

Говорят, Хан-Алтай нахмурил
величаво свое чело,
нити горных хребтов, как складки,
по лицу побежали зло,
заметались в ущельях тени,
и туман на долины пал,
словно мудрый кайчи*, с презреньем
он громово зарокотал:

— Я единожды отвечаю,
только раз в полтысячу лет,
так внимай же, хотя я знаю,
не утешит тебя ответ,
неразумны твои вопросы,
а еще бестолковой слезы,
и зачем ты их — не пойму —
льешь к подножию моему.
Ведь тому, кто и жнет, и сеет,
кто в привычном труде возрос,
жизни суть не в пример яснее
и бессмыслен твой вопрос.

* К а й ч и — певец эпических сказаний.

Нет народу большого дела
до того, что он мал числом,
за себя постоит он смело,
злые ветры не пустит в дом.
Кто изведал борьбу и тленье,
славу, гибель, событий ход,
свято веруя в возрожденье,
в простоте на земле живет.
У народа душа такая,
что вмещает весь белый свет.
Как же можешь ты, причитая,
хоронить его в цвете лет?!
Ты его узнавай по делу,
по решительности зрачков,
будь с ним вместе душой и телом,
отрешась от никчемных слов
Испытав сто земных тревог,
что ты скажешь потом, пророк?

Так изрек Хан-Алтай и тучи
отогнал от седых вершин,
ниспуская свой свет летучий
на зеленый ковер долин,
где народ, как и встарь, живет,
изначально ведя свой род.

БАЛЛАДА О НАРЕЧЕНИИ

Вернулся я домой, в родимый край
В Чагане-месяце, зимою белой.
Закоченев, приехал в Онгудай,
Но весть веселая меня согрела.
У брата в доме было торжество:
Еще сынок родился у него!

И разговор пошел между родными —
Какое мальчугану выбрать имя?

Был у отца любимый брат Чага.
В годину бедствий от руки врага
Погиб наш дядя гибелью героя.
Мы все гордились дядею Чагою.

И брату я сказал, что мальчуган,
На свет пришедший в месяце Чаган,
Чагою должен зваться, не иначе.
— Чагою назови! Не слушай плача,
Стенаний, вздохов снох, невесток, мам,
Всех тех, кто будет повторять упорно,
Что не велит обычай древний нам
Давать младенцам имена повторно...
Зови Чагою!..

Брат кивнул в ответ,
Как будто он одобрил столь хороший,
Столь мудро обоснованный совет.

И сына своего назвал... Алешей.

БАЛЛАДА О ПЕРВЫХ РУССКИХ СЛОВАХ И СТАРИКЕ БУШАЛДАЕ

Отец мой был парторгом колхоза тогда.
По утрам, неумело постучав в деревянную дверь,
к нему приходили мужчины в мохнатых белых шубах.
Они приносили с собой запах овчины, снега,
снежной хвои
и зимний холодок открытого неба.

Они подсаживались к отцу и говорили:
«На стоянке Ак-Кем не осталось кормов».

Или:

«Табун застоялся в верховьях Карасу.

Пока не закрыло перевал, надо коней перегнать ниже, туда, где нет ветра и где еще стоит поздняя трава».

Они говорили:

«Бабушка Туйкандай совсем одна.

Ей надо выхлопотать пенсию

и оказать зимнюю помощь.

Отрядите парней, чтобы они привезли ей дрова.

Пошлите Бердена — пусть он застеклит ей окна».

Целый день приходили и уходили люди.

Но особенно много бывало их по утрам.

Они приходили к нам домой, потому что отец сидел за столом со своими новенькими костылями: неподкованный конь упал на молодом льду и сломал отцу правую ногу.

Входившие люди казались нам, малышам, сказочно огромными.

Это были табунщики, пастухи, охотники.

Они только раз в месяц спускались в село, делая две остановки: у конторы и магазина.

В магазине они брали муку, соль,

комковый сахар, табак.

И еще немного конфет для таких же, как мы,

сорванцов.

Они набивали свои переметные сумы этим товаром, неспешно отвязывали коней и скакали обратно.

Они ночевали прямо на земле:

под голову — седло,

под бок — потник,

а одеялом служила жаркая мохнатая шуба.

На медленном небе над ними тихо кружились звезды,
освещая их усталые лица.

И только кони время от времени

встряхивали головами.

Но сейчас я хочу рассказать о старике Бушалдае.

Утром холод из двери добирался до меня

и шарил у мальчишки за пазухой.

Медлительно затворялась дверь,

и в дом входил Бушалдай.

Он долго кряхтел у порога,

старательно отряхивая ноги,

и только потом окончательно входил к нам.

Он в тщательно сшитых из ножек косули

мягких сапогах на крепких тесемках.

Его шуба украшена красной оторочкой,

потребовавшей бездны искусства.

Шуба его охвачена синим матерчатым поясом,

который заменяет у нас кошельки и карманы.

На правом боку Бушалдая обязательный нож

с красивой костяной ручкой.

Лисий хвост целиком пошел на воротник его шубы.

Оттуда, из пушистого воротника,

вылезает очень морщинистая старая шея.

Его редкая бородка состоит из шести узких струек

индевелого дыма.

А из-под рысей шапки на меня и мою сестренку

глядели добрые внимательные глаза.

«Драстый!» —

произносил он, не переставая обеими ладонями

оттирать замерзшее лицо,

отделяя сосульки со своей неказистой бородки.

Ах, это русское слово!

В нем было что-то несказанное,

напоминающее нам реку, известную только

одному Бушалдаю

она стремительно неслась вниз, бушуя в распадах,
разъединяясь и сливаясь вновь.

Мы с сестренкой, ликуя, прыгали возле большой
шубы деда и теребили ее заманчивые полы.

Отец широко улыбался:

«Якши, Бушалдай!»

Потом они пили кирпичный чай,
красный, как хорошо обожженный кирпич.
Старик старательно дул на поверхность чая
и отхлебывал из чашки мелкими глотками.

Они говорили с отцом о табунах, об овсе,
о войне в Корее и атомной бомбе.

Они говорили о том, что на верхних стойбищах
не хватает соли.

Наговорившись и столковавшись,
они пожимали друг другу руки,
и старик несколько раз повторял
еще одно русское слово «карашо».

Потом садился на мохнатого крепкого конька

и уезжал

Отец мой умер.

Ему было бы сейчас шестьдесят.

А Бушалдай жив,

ему почти девяносто.

И я, приезжая домой на каникулы,
обязательно навещаю его.

Я вхожу в дом и с удовольствием говорю:
«Здравствуй!»

Уважаю табунщиков!

Старик, правда, теперь на пенсии,

возраст его преклонен,

но такой человек, как он, не может сидеть

сложив руки

«Здравствуй!» — говорю я почтительно.
А потом мы пьем чай, красный, как кирпич,
и говорим о весне, об овсе, о войне во Вьетнаме.
О выходе в космос обязательно и подробно.
И еще о том, что на верхних стойбищах
не хватает транзисторов.

У меня огромный запас слов.
Но я не забываю два своих первых русских слова —
«здравствуй» и «хорошо»,
которым меня научил старик Бушалдай,
почти что не знавший по-русски.
Ведь в этих словах так много
самого главного — тепла и доброты.
На чем я и заканчиваю.

БАЛЛАДА ОБ АЛТАЙСКОЙ ПОГОВОРКЕ

Когда говорят, что тесен
стал мир под луною, который
еще недавно казался
бескрайним и безграничным,
когда говорят, что ныне
стало далекое близким,
я про себя улыбаюсь
и вспоминаю снова
пророческого чекана
древнюю поговорку.

В седьмом иль девятом колене
искуснейших словотворцев
моих смуглолицых предков
она родилась на свет.

В ту пору лихие майманы
и мужественные иркиты*
в широкое лоно России
по собственной воле влились.
И кто-то, кто слыл златоустом,
слова оперив, точно стрелы,
изрек, словно в воду глядел:
«Наступит пора, и Московья
алтаец сумеет достигнуть
от дойки до дойки коров,
а до Петербурга добраться
алтаец сумеет за время
между очередными доениями кобылиц...»
Мохнатые смуглые предки,
седые, как зимние зайцы,
сухие, как трут перед искрой,
кочевники и табакуры,
не мудрствовавшие лукаво,
воины и дипломаты.

От них исходило дыханье
арчина** под сводом кумирен
и пороха, что оставляют
аспидные облака.

Рекли они, словно стреляли,
слова их не знали промашки,
как меткие пули иль стрелы,
ибо ружья и луки
имели предтечи мои.

Теперь от преданий старинных
к дням нынешним мост наведем.

* И р к и т ы — алтайское племя.

** А р ч и н — алтайский можжевельник.

В здании аэропорта,
будто в райцентровской чайной,
где для заезжих алтайцев
и для продубленных ветром
искусных водителей с тракта
котлеты найдутся всегда,
односельчанку однажды,
что в Ленинград улетала,
я повстречал ненароком.
Землячка моя рассказала,
что месяца Малой Жары
там, дома, страда наступила
(тепло и работы полно):
«На пастбищах буйствуют травы,
а в рощах зеленых кукуют
кукушки по тысяче раз».
(Кукуют, кукуют кукушки,
столетних старух обнадежа,
а молодые беспечны,
лишь до ста считают, смеясь.)
Поведала односельчанка,
что дочка моя подрастает
и хорошо по-алтайски
уже без умолку лопочет
и бегаёт вниз по тропинке
на луг, выгоняя ягнят.
«Такой она шустрою стала,
что бабушке нету с ней слада».
И я улыбался блаженно,
как будто бы нашим алтайским,
чистейшим и наисладчайшим
я воздухом снова дышал.

Еще сообщала землячка,
что многие парни вернулись,
положенный срок отслужив.

В числе их домой возвратились
и старших два сына Мёрюша
(мои троюродные братья).
И вспомнилось мне, что недавно,
полгода тому, я в их доме
(от сына Мёрюша — Мёдея)
со штемпелем почты армейской
письмо развернул и прочел.
Писал он о том, между прочим,
что за ночь во время учений
державу от Владивостока
до Мурманска всю пересек.
Не разглашая секретов,
писал он, как звездной дорогой
летел над горами Алтая
и как приземлился в бескрайней
казахской подлунной степи,
как вспомнил при этом он строки
главы из «Алып-Манаша»*,
которая повествует
о том, как летел над горами
гусь белый с письмом на крыле,
написанным собственноручно
богатырем знаменитым.
Мёдею пришлось туговато:
ведь день своего он рожденья
мог встретить, летя в поднебесье,
лишь песнею, спрятанной в горле,
без араки и без водки.
Но видел он отчие горы.
Они сквозь лиловую дымку
светились ему на удачу
и тем молчаливо гордились,
что сын их летит так высоко,

* Алып-Манаш — алтайский героический эпос.

куда вознестись не способен
могучий царь птиц — Кан-Кереде...
Я слушал соседку и думал:
давно ли Майчиков Мёрюш
гонял в Онгудай ежедневно
свою пароконную бричку,
которая наибоыстрейшим
тягловым средством была
в горной долине
кануна послевоенной поры...
Отвлекся... А женщина эта
поведать спешила, что ныне
на фермах отменный удой,
а значит, Диман, мой шурина,
молоковоза водитель,
отбил все печенки себе,
мотаясь к урочищам дальним,
где дойные ходят гурты...
Отвлекся... А женщина эта
поведать спешила, что в сроки
крестьяне закончили сев,
а значит, вздохнул облегченно
мой брат инженер, и вторично
тогда он вздохнет облегченно,
когда стригали отличатся
и кончится сдача руна.
И если пойдет все как надо,
то брат мой по третьему разу
вздохнет облегченно и крякнет
за стопкой во время байрама*,
и не помянет он лихом
дни месяца Малой Жары.
Но вот объявили посадку,
простилась со мною землячка,

* Байрам — праздник.

что в классах начальных давненько
учительствует на селе.

Махнула рукой мне: «До встречи!»

Как было не знать ей, что скоро
мы дома увидимся с ней.

Она улетела, и вслед ей
глядел я, как будто омытый
дождем голубого июня.

В край возвратившись родимый,
лето в разгаре застану.

Кто, кроме близких, заметить
сможет приезд мой в страду?

Косу возьму и, как ране,
утром, чуть свет, с косарями
выйду... (Тогда и заметят.)

Лучшего отдыха, право,
чем на косьбе, не найти.

Пух тополиный кружился,
и думал о том я, что предки,
как ясновидцы, сумели
предугадать в поговорке,
что от Москвы до Алтая
можно добраться свободно
за пять часов.

Это значит,
можно добраться за время
между доением коров.

НЕБЕСНАЯ КОНОВЯЗЬ

1968—1977 гг.

ЯЗЫЧЕСКИЙ ДЕПТЕР*

* * *

Сижу перед отъездом
я возле огня в тишине.
И красных очей
не сводит с меня
От-Эне**.

Быть может,
зов предков
багрится в очах
От-Эне?
Но почему безъязыким
сделалось эхо во мне
накануне отъезда?

*Год Обезьяны,
месяц Косули*

* Дептер — свод, сборник миниатюр.

** От-Эне — Мать огня, алтайское божество.

* * *

Осень,
исчезли летучие мыши,
венчаны листьями мокрые крыши.

Месяц Марала.
Приблизился птичий отлет.
Прыгать в седло
мне, джигиту, не внове,
шапку надвинув на самые брови,
лунной долиной
лошадь бросаю в намет.

Месяц Марала

* * *

Вспоминаю не без грусти я,
на дорогу выходя,
материнское напутствие,
космы позднего дождя.

Скально высь над бездной дыбится,
облачившись в облака.
И печальноликим видится
мне Алтай издалека.

Месяц Гудящего Ветра

Серая осень,
Седая трава.
В опаловом небе
Серебряный лебедь.

Ведет меня снова
В России тропа
Туда, где ручья
Еще слышится лепет.

Костер разжигаю,
И кажется мне —
Я черного лебедя
Вижу в огне.

А красный собрат его,
Перья теряя,
Над белой березой
Летит в вышине.

Лег дым над шафраном,
И память со мной
О карих очах
С поволокой сквозной.

*Год Обезьяны,
месяц Осенних Кочевий*

* * *

27. 12. 1968.

...В этот день в КНР было
произведено испытание термо-
ядерной бомбы в честь 75-ле-
тия Мао Цзэдуна

Там небо взорвано...
Туда,
став журавлем,
лечу печально.
Глаза расширились овально,
а туч
кровоавится орда.
Лечу,
набравший высоту,
лечу
в последнюю дорогу
и, умирая на лету,
трублю над Азией
тревогу!

*Год Обезьяны,
месяц Зимней Косули*

* * *

О, когда же
язычником быть перестану...
Утром белую спину
погладив туману,
в поднебесье стою

и в безмолвной мольбе
вновь,
Алтай мой — Хангай,
поклоняюсь тебе!

*Год Курицы,
месяц Студеной Звезды*

* * *

Нет лучше колыбели для зерна,
Чем пашня та, которая черна.
И знаю, вороного скакуна
Ценилась масть в любые времена.

Пусть вовремя появятся к добру
Над полем тучи черные в жару.

А сколько раз,
 пленительно влюблен,
Бывал в очах я черных отражен.

И ночь черна,
 но глянь, как хороша!
От века

 только черная душа —
Гнездовье черных помыслов и зла —
Презренной по достоинству была.

*Год Курицы,
месяц Студеной Звезды*

* * *

Тяжел Год Курицы, тяжел.
Коль верить древнему преданью,
он соответствует названью.

Из жизни человек ушел,
мой друг Берден,
а был он добрым малым,
охапки сена выносил маралам...
Тяжел Год Курицы, тяжел!

*Год Курицы,
месяц Каменного Барана*

* * *

На опаловую дымку
Небеса с землей в обнимку
Улеглись.

И через край
Снег навален игловатый,
Буйным паводком чреватый
До прилета птичьих стай.

И до самых горных складок
Дым течет и воздух сладок...
— Здравствуй, батюшка Алтай!

*Год Курицы,
месяц Каменного Барана*

* * *

Однорукий табунщик
в верховьях реки Каракол...
Был солдатом,
с войны в сорок пятом пришел.
И узнали соседи
в родной стороне,
что оставил Победе
он руку свою на войне.
А коней не оставил,
где травами зыбится дол,
однорукий табунщик
в верховьях реки Каракол.

*Год Курицы,
месяц Возрождения*

* * *

Я приехал при новой луне
И уехал при новой луне.
И обида в душе у любимой
По моей вдруг возникла вине.
Не молила любовь, не звала,
Все простила, добра и мила,
Мне вослед обронила слезинку,
Что печальна была и светла.
И теперь вот при старой луне
С горькой думой наедине
О былом своем счастье тоскую,
Никогда не вернуть его мне.

*Год Курицы,
месяц Цветения Кандыка*

* * *

Грянул гром,
как будто бревен
грудю
сдвинул, что есть сил...
И с земли
глухой Бетховен
пальцем
небу
погрозил!

*Год Курицы,
месяц Кукушки*

* * *

Странной птицей —
Тенгери-теке —
я себе предстал.
И проплывала,
чуть дрожа,
над гребнем перевала
синяя звезда невдалеке.
Мне казалось,
что звезда стонала
и на горы темные внизу
с высоты полуночной роняла
за слезой жемчужную слезу.

*Год Курицы,
месяц Кукушки*

★ ★ ★

Стремена звенят, но не вижу коня,
удила звенят, но не вижу коня,
блики костра на лице у меня,
пляшет в глазах моих отсвет огня.
Вижу коня, что белей молока,
бледного вижу на нем ездока.
Ужели однажды из царства теней
так всадник прискачет за жизнью моей?

*Год Курицы,
месяц Малой Жары*

★ ★ ★

Подобна замерзшему озеру
холодная синева...
И пиале подобна
звонкая синева...
Слова, что сказаны были,
цветы, что едва не раскрылись...
Ушел...
И увяли они...

*Год Курицы,
месяц Марала*

Вниз летит по Иртышу
одинокий дикий гусь,
задыхаясь, не кричит,
машет крыльями едва.
Ах, не все ль ему равно,
то начало иль конец?
Ведь до устья дотянуть
не сумеет дикий гусь.

*Год Курицы,
месяц Марала*

* * *

Хладеет небесная прѣсинь,
желтеет на поле жнивье.
Прозрачна алтайская осень,
шесть лет, как не видел ее.

Колосья голодного детства
мы шли собирать налегке.
Куда нам от памяти деться?..
Слезинка ползет по щеке.

*Год Курицы,
месяц Марала*

* * *

Бранил жену,
но в тот же вечер
воочию, как в первый раз,
увидел худенькие плечи
и две слезы в тумане глаз.

Вмиг сердце екнуло и сжалось,
осекся,
голову клоня,
и в грудь иглой вонзилась
жалость:
— Прости, воробушек, меня!

*Год Курицы,
месяц Гудящего Ветра*

* * *

Приехав без билета на вокзал,
«Отсюда к дому ближе», —
он сказал.
И, засвистев мелодию, понятную
ему лишь только,
поезд проводил.
Когда бы пред учебой на попятную
он смог пойти,
дорогою обратною
сегодня на Алтай бы укатил.

*Год Собаки,
месяц Кукушки*

* * *

Длинногривый
ливень черный
ливню вслед летел вдоль скал.
На скаку из кручи горной
стрелы молний высекал.
И на склонах Кулгайры
грома сталкивал шары.

*Год Собаки,
месяц Малой Жары*

* * *

От наших сплетавшихся рук
Растаяли льды на вершинах.
От наших сливавшихся губ
Наполнились улии медом.

Окончилось время разлук,
И племена примирились.
Взросло поколений число
Наперекор воеводам.

*Год Собаки,
месяц Студеной Звезды*

Все дальше и дальше
от дома родного
я удаляюсь.
Верст между нами
легло уже много,
вот я и маюсь!

Селенье, где вырос,
с вершиною рядом
в сизом тумане,
вслед мне глядит
укоряющим взглядом...

Знаю заранее:

если вернусь я
по зову упрека
в родное селенье,
то вознесусь я
и вправду высоко.

Грянь, вознесенье!

*Год Мыши,
месяц Возрождения*

Однажды совестливый снег,
Хоть чуден был его набег,
Даль обелив, растаял вскоре,
Но не забылся до сих пор.

Однажды аспидная ночь,
Как эта новая, точь-в-точь,
Хоть и пророчила мне горе,
Ее не сбылся приговор.

Однажды девушка была
Отзывчива и весела,
Но вдруг переменилась вскоре,
И стал ее печален взор.

Однажды молодость была,
Но так стремительно прошла,
Как месяц май в цветном уборе
На поднебесных склонах гор.

*Год Мыши,
месяц Зимней Косули*

* * *

Мы в подножье Алтая.

Смотри,
Как вокруг до подоблачных кражей
Ранним пурпуром летней зари,
Словно паводком залито все.

Красный беркут парит в вышине,
С неба киноварь льется в озера,
И душа замирает во мне
От любви к тебе, Горный Алтай.

Степь предгория, вольная степь,
Чу, прислушайся! Конница скачет.
И хребтов приближается цепь,
И так сладко душа замирает.

Синее, синее, синее небо,
Синею дымкой покрытые горы,
Вы мне нужнее насущного хлеба,
Вы и надежда моя, и опора!

Тихо Катунь голубая струится.
Листик березы среди тишины
Бабочкой вьется и тихо садится
На язычок набежавшей волны,
Бьется у берега. Сколько ни бьется —
Больше взлететь ему не удастся.

Тихая грусть. Поглядишь на березку —
Кажется, будто грустит и она.
Снова листок обронила, как слезку.
Тихо. Вздохнет лишь порою волна...

Я, словно крылья, руки распластав,
Гляжу с седой вершины Алатау;
И предо мной, распахнут неоглядно,
Степей казахских движется простор.

Хоть слышу распрей давних отголоски,
От Иртыша до Волги — степь едина.
Найман с кыпчаком и уйсун с адаем*
И обликом и духом мне близки.

* Казахские племена.

* * *

Что препираться? Время
Свой суд произнесет:
Рассудит и оценит,
Низвергнет и спасет,
Вознаградит за подвиг
И не простит вины...

Но все ль передоверить
Мы Времени должны?

* * *

Каменный порог Эль-Бабургана
Резво обегая, огибая,
Ты куда стремишься неустанно,
О Катунь живая, голубая?
На порогах стонешь и рокочешь...
Ты чего, скажи, от жизни хочешь,
Дочь белоголового Алтая?

Или наши горы не красивы?
Или люди сонны и спесивы?
Или о тебе сказали худо?
Почему ж стремишься ты отсюда?

Но бежит река не отвечая,
Отраженья на волне качая,
Горы заповедного Алтая
Покидая и не покидая...

Говорят в тайге мужчины:
— Если падать, то с вершин
Кедра, что коснулся звезд.

Чтоб упасть и высечь пламень,
А потом, держась за камень,
Встать упрямо в полный рост.

*Год Коровы,
месяц Осенних Кочевий*

Во всем загадка бытия —
В движенье времени и малых
Травинках, выросших на скалах,
В напевах горного ручья.

Черед времен. Предрешено,
Что будем, верные повадке,
Весь век ключи искать к загадке,
Неразрешимой все равно.

Перебираешь ли словарь,
О жизни ль судишь не беспечно.
Все переменчиво и вечно
И все таинственно, как встарь.

Ты тростнику внимать привык,
Что над рекой гудит от века.
Но вздрогнешь, если человека
Напомнит голосом тростник.

Встает над кедрами рассвет,
И, ладить песни мастерица,
Поет заливистая птица,
И для нее загадок нет.

*Год Коровы,
месяц Зимней Косули*

* * *

От старых этажерок, на которых
Летать учился Сент-Экзюпери,
До лайнеров в сегодняшних просторах
Лишь только шаг. Ну, два. От силы — три.

Путь недалек, выходит. Но какие
Отважные, железные почти,
Сердца, неповторимые людские,
Сгорели, как моторы, в том пути!

* * *

Серебристые птицы,
Гудя богатырски,
Над великой Отчизной
Промчали меня.
Серый полдень в Москве,
Сумрак — в Новосибирске,
Над Алтаем —
Рождение
Нового
Дня!

Здравствуй, маленький город,
Родной и желанный!..

Только вдруг тяжелеет
Мой радостный шаг:
Первый встречный знакомец
Бредет полупьяный —
И в душе у меня
Воцаряется мрак.

Очень многим сегодня
Мы вправе хвалиться,
Но с чего появились
В немалом числе
Эти грубые, красные,
Пьяные лица
На извечно красивой и трезвой
Земле!?

* * *

Это случилось в месяц Кандык,
Был мой сынишка в параличе,
Грозно пылала его голова
И на моем возлежала плече.
А за окном по зеленой траве
Гусыня вела еще желтых гусят,
И показалось мне, будто сынок
Бросил на них вдруг очнувшийся взгляд.
В чудо поверило сердце мое,
Напоминая под ветром свечу.
И ни о чем не просил мой сынок,
В муке доверчиво льнувший к плечу.
Белые гуси на желтой траве,
Белые гуси над снегом вершин.
«Ответь, — говорю я, — Умай-эне,
Когда ж, наконец, исцелится мой сын?!»

Год Тигра, месяц Косули

ДОЛИНА ТЕРЕН

Семьдесят лет тому назад
здесь была предпринята буд-
дистами последняя попытка
проникнуть в твердыни Алтая

I.

Лента белая
В белой долине
Возле белых берез
На снегу,

Где бела кобылица
Поныне,
Исходя молоком
На бегу.

Белый путь,
Белый свет.
Оробелый
С белой верой
Повенчанный дух.

Камень капища
Осиротелый.
Белый кедр,
От столетий замшелый,
Рядом облака белого
Пух.

II.

Пот утирал со лба,
Тянул из трубки дым.
У всех своя судьба,
И он был молодым.

Не в эти ли места
С Востока сквозь туман
Несли его уста
Воинственный Бурхан?

Что славил на веку,
Коль прежней веры нет?
Когда-то старику
Шестнадцать было лет.

III.

Явился я на этот белый свет,
Что сотворен был из пяти стихий,
И в глубину заглядываю снова
Души твоей загадочной,
Алтай.

Бездонная загадочная глубь,
Долина под названием Терен*.

* * *

Осинка-девчонка, слаба и тонка,
На гребне стоит и глядит в облака,
Плывущие по небу клочьями ваты
В долину, где меркнет закат тускловатый.
Трепещет, бедняжка, над холодом круч
И слушает гул нарастающих туч.

В кудрях у нее чуть желтеет закат,
И тонкие ручки осинки дрожат.
Из вечера в вечер стоит одиноко
И чувствует, что скоро увянет до срока.

* Игра слов: «терен» — глубокая (алт.).

* * *

Да буду я глазами для слепого,
Да буду я безногому опорой,
Да буду безъязыкому глаголом,
Да буду силой слабых я, поэт!

Я опускаюсь в глубины океана,
Взойду на неприступнейшие горы,
Я соберу целительные травы,
Я визнаю бессмертия секрет.

Я все смогу на свете, все сумею,
Я буду неустанен и упорен,
Лишь ты не отторгай нас безвозвратно,
Лишь ты, земля, не отвергай меня!

Твой черный цвет — он для души не мрачен,
Твой черный цвет — он для души не черен,
В нем жизнь моя, и вера, и надежда,
Все многоцветье завтрашнего дня!

* * *

Наступленья зимы ожидает Алтай!
Пьют старухи цейлонский живительный чай.
На порогах в раздумье сидят старики,
Длинных трубок прокуренные черенки
С расстановкой касаются губ.
И жилища на склонах соседственных гор
Телеграфный ведут меж собой разговор
Гулким стуком
Хозяйственных ступ.
Завершается время осенних забот.
Забивают хозяева на зиму скот.

Вечерами — темней, по утрам — холодней,
И людское дыханье стало видней.
Над селеньем клубами восходит оно,
Превращается в облака,
И волнует меня, словно в детстве, давно,
Первый скрип молодого снежка.

Стали печи топиться. Курятся дымы.
На высоком Алтае начало зимы!

* * *

Безлюдны юрты, крытые корою,
Чуть засверкает в воздухе снежок.
Над дымоходом редкою порою
Тогда заметишь жиденский дымок.

Но если донесет случайным ветром
Треск головешек, кисловатый дым,
Все ясно: неподвластная запретам
Зимы колдует тетушка Дилым.

Опять не усидела в теплом доме,
Все по старинке трудится она,
Спешит ячмень поджарить, так знакома
Работа эта, с нею не до сна.

Как белка — бесконечное занятие:
Разжечь огонь и добавлять дровец;
Ведь у хозяйства цепкие объятья,
Здесь дел без счета, не сыскать конец.

Не каждая возьмется молодуха
В чадыре похозяйничать зимой,
Тут мало силы воли или духа,
Тут нужно, чтоб характер был крутой.

Поджарить, растолочь ячмень, а после
Еще смолоть, чтоб славили кочё*
Издалека приехавшие гости
И каждый говорил: еще, еще...

* * *

Только сумрак вечерний
Надумал сгуститься,
Надо мной пролетели
Три смутные птицы,
Над моей головой
Пронеслись в полумраке,
Начертили крылами
Неясные знаки.

Не успел я взглянуться —
Они улетели.
Кто вы, птицы?
И что вы сказать мне хотели?
Потемневшая
Тонет в тумане окрестность,
И терзает меня,
И гнетет неизвестность.

С детских лет я
Народные знаю приметы:
Журавли пролетели —
К свиданию это,
К расставанию — лебеди,
А варнавки — к печали...
Что же вы,
Неопознанные,
Означали?

* Кочё — ячменный суп с бараниной.

* * *

Как прекрасен и добр мой Алтай!
Как богат он — поди сосчитай!
Перед ним я навечно в долгу.
Как его я прославить смогу?
Как воздам благодарность ему?
Где слова я такие возьму?

Тихой ночью при белой луне
Стало стыдно
и горестно мне,
Что мой голос негромок и мал.
Встал на камень я и закричал.
Чутким эхом откликнулась тишь:
— Ты чего, неразумный, кричишь?

* * *

Сенокос был в разгаре,
А смерть за старухой явилась.
И взмолилась старуха:
— Прошу, окажи ты мне милость,
Приходи,
когда на поле лягут снега.
А теперь недосуг,
Собирать надо сено в стога!

*Год Быстроногого Зайца,
месяц Большой Жары*

Из цикла
«На западном берегу»

ГОЛОС

В плацкартном вагоне и душно, и тесно,
И копотью пахнет. Дорожная проза.
Но спутница наша юна и прелестна.
Косички. Реснички. Москвичка. Мимоза.

Родители, зная, приложили старанье:
В девчущке живой, невысокого роста
Хорошее чувствуется воспитанье —
Умеет держаться достойно и просто.

Глазами большими доверчиво светит .
И крутит на пальчик свой шелковый волос.
Да, кончила школу. Да, в гнесинский метит.
По мнению многих, имеется голос.

И так обо всем рассуждает толково:
Волнуется вот, нужен отдых на взморье.
Но только, пожалуй, от ветра морского
Охрипнуть боится. Вот было бы горе!

А мы говорим ей: — Не бойся, поступишь!
Ну, если не сразу, так позже немного.
Упорствуй! И если мечту не разлюбишь,
Не сможет тебе не открыться дорога
К высотам искусства.

Когда-нибудь песня
Твоя понесется и людям поможет,
И сделает жизнь и добрей, и чудесней,
Печаль пересилит, а радость умножит.

Лишь только б осталась ты нежной и чистой,
Лишь только б душа твоя не огрубела,
Была бы такой, как сейчас — голосистой,
И пела, и пела, и пела, и пела!

И, может, со временем в нашей столице
Под Новый ли год или к Первому мая
Большой и прекрасный концерт состоится,
И я, удивленный, твой голос узнаю.

И вспомню, как в поезде ехала с нами
На Рижское взморье девчонка-мимоза,
Делилась мечтами, сияла глазами,
И вмиг забывалась дорожная проза!

ПРЕОДОЛЕНИЕ

В полночь мы к морю выходим вдвоем,
Учимся плавать при свете звезды.
Втайне от всех пересилим, уьем
Страх перед духами Тьмы и Воды:
Сколь современным себя ни зови,
Где-то он все же гнездится в крови!

Плаваем? Плаваем! Кажется мне:
Для неофитов достойно вполне.
Громко толкуем про давние дни,
Про суеверья: откуда они?

С духами вроде мы справились, друг,
Нам не придется об этом жалеть,
Но погляди поскорее вокруг:
Сколько еще предстоит одолеть!
Всяческой косности дух вековой
Так ли мы просто осилим с тобой?

Преодоления путь выбирай,
Смело в житейское море ныряй!

Волны бегут, и шумят, и гремят.
Им не в новинку: за столько веков
И не таких повидали ребят —
Смелых героев, лихих чудаков.

В блеске могучей и вечной красы
Мчатся валы, как гривастые львы,
И, расправляя седые усы,
Нам говорят:

— Что ж, дерзайте и вы!
Прежде всего — не жалеете себя,
Прежде всего — одолейте себя!

А далеко, далеко, далеко
На горизонте — огни да огни.
Только посмотришь и станет легко:
В море и ночью мы все ж не одни.
По морю люди плывут и плывут.
Смотрят на звезды. Дерзают. Живут.

ВЕЧНОСТЬ

Колышется море ночное,
Бессонно и глухо ворчит,
Упругой и серой волною
В прибрежные камни стучит.

То Вечность волнуется рядом.
Как странно подумать: она
Доступна касаньям и взглядам
И все-таки нам не дана!

НОЖИК

Попросил старика: — Наточите мне нож!
Замечательный нож.
Для охоты хорош!
Ну а если острее он станет вдвойне,
Будет добрая память
О Юрмале мне!

Вот исчез он, мой ножик,
В руке старика.
Вот сверкнул он опять
Вроде рыбки-малька.
Точит молча старик.
Искры так и метет!
И в руке у него
Нож как будто растет.

Вот закончил.
Попробовал пальцем.
Подул.
Молча мне протянул.
Опустился на стул.

Скоро мне по Алтаю
Опять кочевать.
Стану дичь у костра я
Ножом свежевать.
Я в алтайской тайге
Вспомню берег морской
И станочек точильный
С педалью-доской,
Старика рыбака отставного — того.
И морщины, как сети,
На лбу у него.

Воцарилась холодная мгла,
 Солнце света не шлет с высоты,
 И в печали душа замерла.
 Вот какие сегодня дела:
 Этот берег покинула ты.

Золотистая рыба ушла
 Вглубь, в пучину, в пласты темноты,
 Не дождусь, чтобы снова всплыла.
 Вот какие сегодня дела:
 Этот берег покинула ты.

Дождь, молю тебя: слезы пролей
 И с песка в этот горестный час
 Смой следы наших ног поскорей,
 Чтобы смог я не думать о ней,
 Будто вовсе и не было нас!

ПЕСНЬ ПРОЩАНИЯ С МОРЕМ

До свидания, Море! Пускай ты — Залив,
 Все ж ты первое Море, что мною открыто!
 Здесь я сделал недавно свой первый заплыв,
 Я — джигит, сын джигита и правнук джигита.
 Из глубин континента пришел я к тебе,
 Ты меня укрепило, подобное чуду,
 Я за это вдвойне благодарен судьбе
 И твою доброту никогда не забуду!

На прощанье, как лодки, пушу по волнам
 Хорошо послужившие верные кеды,

Пусть плывут на просторе к далеким огням,
Хоть в Стокгольм, где живут благодущные

шведы.

«А потонете если, — я вслед говорю, —
На каком-то из трудных морских переходов,
Мой привет передайте морскому царю
От лица сухопутнейшего из народов!»

О стихии морской, о дорогах морских
Не досталось от предков мне памяти в генах.
Не осталось совсем. Никакой. Ни в каких.
Даже в самых таинственных и сокровенных.
Но отныне во мне да пребудет она,
Словно соли твоей голубая крупица,
И пускай сохранится на все времена,
И в потомках моих навсегда закрепится.

Пусть мой правнук, склонившись к соленой волне,
Вспомнит памятью крови на миг обо мне!

Из цикла «Москва вселенская»

* * *

Вл. Соколову

Его встречал я часто одного
В аллее сада, в сумерках белесых,
Запомнил трость бессменную его,
Так странно вдруг похожую на посох.
Деревья, как внимающий народ,
Кругом толпились в стройном беспорядке.
Еще я помню крепко сжатый рот —
Отчетливые, грузчицкие складки.
Так проходил он, в серый плащ одет,
С лицом усталым, часто невеселым.
А говорят: лирический поэт
Неуловимым занят, невесомым...

* * *

Нет, не устану я дивиться —
Чудак, конечно, человек:
Про все забыв, сквозь всю столицу,
Сквозь сумерки, сквозь первый снег
Рвануться вдруг молниеносно.
Куда? Конечно, вновь туда,
Где переделкинские сосны
И в лужах стылая вода.
Зачем? Затем лишь только, чтобы
Свои печали бередить
И в обществе одной особы
Вдвоем под соснами бродить.

И чтобы музыка из мрака
Плыла и екало в груди,
Да чтобы рыжая собака
Смешно трусила впереди,
Да по шоссе, мерцая светом,
Машины встречные неслись.
Какой же смысл, скажите, в этом?
Не в этом ли всей жизни смысл?

ЛАСТОЧКИ

А весна была только в проекте —
Лишь особенный, мартовский свет.
Снег на шумном московском проспекте
Думал: таять ему или нет?
Мостовой — превращаться ли в речку?
В этот день на изломе зимы
Средь Москвы молодую узбечку
Неожиданно встретили мы.
Взгляд задумчивый нам подарила.
А лицом хороша, как весна!
И фигура ее говорила:
К лету матерью станет она.
Были темными-темными брови,
Показалось, что ласточки две
Прилетели с дарьинских низовий
И весну возвестили Москве!

Р. Фишу

«Подлунный мир все хуже с каждым днем, —
Поверье мусульманского Востока, —
Поскольку мы чем долее живем,
Тем дальше от золотых времен пророка!»

Как хорошо, что наш отсчет иной,
Что, молодые, в мире вечно сущем
Мы сговорились, опыт свой земной
Соизмерять не с прошлым, а с грядущим!

* * *

Мне услышать недавно, друзья, довелось:
Если в путь собирался ученый даос,
Сотни книг многомудрых даосских
Отправлялись за ним на повозках.

Я покуда еще не мудрец и не маг,
Но, жилища меняя, заметил с годами:
Меньше возим вещей, больше книг и бумаг,
Где заветные строчки — рядами...

ПОТОМКИ

Холода наступили. Пронзительно. Сыро.
Или можно иначе: томительно, сиро.
Мой товарищ дрожит, как ягненок больной:
Продувает пальтишко ветрище сквозной!
Но, играя со снегом мелькающим в жмурки,
Мы научный опять разговор завели:

Кто же были они, предки, древние тюрки,
И откуда пришли?
И от Ленинки до общежитья
Я с товарищем резво бегу,
Исторические события
Перенизывая на бегу.
Спорим в бурном, решительном стиле,
Добираясь до темных глубин,
Вспоминаем, что в мире свершили
Кюль-тегин и Йоллыг-тегин.
Ничего, что промозгло и сыро!
И пускай не заменят нам споры, догадки, стихи
Тех дубленок бараньих, что прежде носили
батыры,
А теперь — пастухи,
Тех дубленок, что нынче столичные модники
носят...

Что ж, любому свое:
Тот у жизни дубленку себе поскорее попросит,
Тот — возможность людское постичь бытие.
На твою не надеемся милость,
О лихая зима,
Сами выстоим, лишь бы всегда сохранилась
Раскаленность души и холодная ясность ума!

ЗОЛОТАЯ КУКУШКА

1978 г. Москва

БЕРЕСТЯНАЯ КОЛЫБЕЛЬ

1. Рождение ребенка

Рождение нового человека для нас, алтайцев, — событие значительное. Оно привлекает всеобщее внимание. При первом крике новорожденного со всех сторон раздаются ликующие возгласы. Сосед соседу передает радостную весть, при этом друг другу, как повелось, задают шутливые вопросы:

— Кто родился, дай ответ:
Сын родился или нет?

Будет дома коз доить,
На косулю ли ходить?

Будет ли сидеть в седле
Или стражей при котле?

Если родился мальчик, особенно радуется отцовская родня:

— Мальчик родился! Мальчик? Якши!
Праздником станет отцовской души.

— Мальчик родился — жизни хвала!
Будет кому жилье возводить.
Будет кому на излуке седла
Барса с охоты живьем привозить.
Мальчик родился, и потому
Быть продолжателем рода ему!
Будут на свадьбе гулять у него
Добрые люди селенья всего!

При появлении девочки радость умереннее, ибо девочка вырастет и, выйдя замуж, уйдет в другую семью. Но и это тоже необходимо для продолжения жизни. А потому говорят:

— Мальчик родился? — Нет, дочка!
— Якши!
Девочка — радость для каждой души!
Будет веселье. Смуглы и лихи,
Сватов еще к ней зашлют женихи.
В кожаном красном, как жар, бурдюке
Белой недолго скучать араке.
— Мальчик родился? — Нет, дочка!
— Якши!
Девы в алтайских горах хороши!
Выскочит замуж! Не зря говорят:
Дочку родивший — роднею богат!

2. Забота отца о новорожденном

Сын родился у меня,
И достал я острый нож.
Там, где ветви наклона,
Встала ива над рекой.

Из податливых ветвей
Колыбель я смастерю,

Чтобы плыть наследник в ней
Мог под отческим шатром.

У меня родился сын,
На охоту я пойду
И добуду близ вершин
Пару черных соболей.

На крутой поднявшись склон
И прищурив левый глаз,
Израсходую патрон
И косую застрелю.

Не собьет с пути метель,
Положу, когда вернусь,
Я подстилку в колыбель
Из собольих черных шкур.

На березовом огне
Дорогого очага
Супа жирного жене
Из косули наварю.

Над сыновьей головой
В честь охотничью я сам
Лук повешу боевой
И со стрелами колчан.

А медвежий коготь я
Положу под колыбель,
Чтоб росло мое дитя
Не пугливым и лихим.

Голень заячью к ногам
Положу я в колыбель,
Чтоб по травам и снегам
Легок был сыновий бег.

Под подушку положу
Лебединое перо
И дорогу закажу
Сну дурному в колыбель,

В колыбель, где сын мой спит,
Продолжатель рода он,
Потому и знаменит
Среди родичей в горах.

3. Положение в колыбель

...Положим, положим дитя в колыбель,
Новая всходит луна...

Новорожденных досель
В первый раз, как повелось,
Опускают в колыбель
Лишь при молодой луне.

Можжевельник подожжем
И окурим колыбель,
Чтоб влетела птицей в дом
Белая Умай-эне.

Из семи Молочных рек
Грудь наполнила она,
Чьи щедры не первый век
Темно-красные соски.

Если голубой Ульгень
Довелось оставить ей,
Солнечная, как олень,
В небе радуга взойдет.

А как взять ей довелось
С белого Ульгения высь,
Ляжет прямо, а не вкось
К дому лунная тропа.

Ото всех жилищ людских
С колыбелями внутри
Отгоняет духов злых
Светлая Умай-эне.

По волнам ночей и дней
Проплывает колыбель.
Лук со стрелами над ней —
Это знак Умай-эне.

В бодрствование и во сне
Всех, кто в колыбели спит,
Зоркая Умай-эне
Охранит от сглаза пусть.

И растет число пусть их,
Младших братьев и сестер,
У подножья гор седых
И на гребнях этих гор.

Ведь не раз Умай-эне
Предостойнейших мужей
Услаждала при луне
На ристалище любви.

Страсть познавшая жена
И заботливая мать,
Непорочнее она
Сорока невинных дев.

4. Колыбельная песня бабушки над люлькой внука

Баю-баюшки-баю,
Слушай песенку мою.

Превратишься в удалца
Ты, мой внук, на разум скорый,
И окажешься опорой
Постаревшего отца.

Сделав радостью своей
Ты о матери заботу,
Будешь ездить на охоту
В рысей шапке до бровей.

Баю-баюшки-баю,
Я наказ тебе даю.

Ты с открытою душой
Жалуй встречного приветом.
Обращаться за советом
Станет брат к тебе меньшей.

И на радость всей родне,
Как мужчина, будь в почете:
Днем ты жарко льни к работе,
Ночью — к собственной жене.

5. Колыбельная песня бабушки над люлькой внучки

Баю-баюшки-баю,
Слушай песенку мою.

Время мчится под луной,
Станет девочка женой,

Дом любовью осветя,
Народит она дитя.

Будет в свой черед, как мать,
Колыбель сама качать.

Баю-баюшки-баю,
Слушай песенку мою.

Месяц сделался луной,
Станет девочка женой.

Пусть она, в том горя нет,
Просыпается чуть свет,

И, воздав огню почет,
На тагане хлеб печет.

Пусть она, являя прыть,
Будет белых коз доить,

Белых коз и черных коз,
И не знает горьких слез.

Баю-баюшки-баю,
Ничего не утаю.

Месяц сделался луной,
Станет девочка женой,

И резва покуда стать,
Не на людях обнимать
Будет мужа в час ночной.
Станет девочка женой,

И в любое время
Кованое стремя
Будет мужу на успех
Подавать она при всех.

УВАЖИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К ЭНЕ-КИЖИ

В прежние времена, когда в алтайском улусе начиналась эпидемия оспы, люди, не имея возможности вести с ней борьбу, сдавались ей на милость и уважительно величали ее «Эне-Киж» — «Мать-человек». При других болезнях звали шамана и устраивали камлание. При оспе этого не делалось. Оспе вежливо увещевали.

Пред тобою не нахмурим
Мы бровей, Эне-Киж,
Дымом вереска окурим,
Будем молоком кропить.

Шубу ты из горностая
Надевай, Эне-Киж,
И лети туда, где стая
Туч клубится в небесах.

Мы тебе соболью шапку
Поднесем, Эне-Киж,
Только, звезд набрав охапку,
Ты кружи вблизи луны.

Подмигнув нам глазом правым,
Удружи нам, послужи
И, отзывчивая нравом,
Нас покинь, Эне-Киж.

Ты на славу погостила
И сполна одарена,
Ты давно как загрустила
И вольна покинуть нас.

Прибыла ты ненароком
От семнадцати царей,
И проводим не с упреком
Мы тебя, Эне-Киж.

Ждет с тобою встречи скорой
Мать семнадцати морей,
Утвердилось за которой
Имя Матерь-Тойбодым*.

Не она ль, подвластна срокам,
Из семнадцати пучин
К нам прислала за оброком
Вновь тебя, Эне-Киж.

Ты оброк собрать сумела,
Не тужи, что в путь пора,
И, окончившая дело,
Улетай, Эне-Киж!

* Матерь-Тойбодым — мировой океан.

ПЕРВАЯ СТРИЖКА ВОЛОС

До трех лет волосы ребенку не стригут. Первая стрижка волос носит характер обряда. Материнская родня очень почитаема, поэтому первый раз стрижет племянника дядя-таай—брат матери. Таай, приступив к первому острижению, говорит:

— Густые, как травы на горном лугу,
Племяннику волосы я остригу,
Доверься тааю, племянник.

Не станет о стрелах тужить тетива,
Да будет лихою твоя голова,
Доверься тааю, племянник.

Ты сам подстрижешь еще гриву коню,
И сам еще вздыбишь ты гриву огню,
Доверься тааю, племянник!

Племяннику волосы я остригу,
В мешочке из замши их прядь сберегу,
Доверься тааю, племянник.

Не надолго запахом детства пропах.
Ты — будущий воин, а не вертопрах,
Достоин таая племянник.

Засунешь перчатку в медвежью ты пасть,
Дробинкой в глаз белки сумеешь попасть,
Достоин таая племянник.

Тебе подарю я коня под седлом,
Коснешься ты звезд на скаку удалом,
Достоин таая племянник!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ ЗМЕИ*

Гусыне — гусенок отрада,
Ягненка ласкает овечка,
А я тебе, миленький, рада,
Мой свертышек,
Чудо-колечко.

В сторонке от волчьего воя
И топи болота постылой,
На пне, как кольцо голубое,
Лежишь ты,
Мой свертышек милый.

Как мил человеку детеныш,
Ты мил мне,
Мой ловкий сыночек,
На ленту похожий змееныш,
Что может свернуться в комочек.

НАСТАВЛЕНИЕ МАЛЬЧИКУ ПРИ ВЫПАДЕНИИ МОЛОЧНЫХ ЗУБОВ

— Все молочные твои
Зубы выпали, сынок.
В хлебный мякиш с ночи я
Закатала каждый зуб.

К волкодаву подойдя,
Эти шарики скорми,

* Где туман на зубья скал
Лег, нагорие окутав,
Эту песню записал
Я в селенье телеутов.

И при этом ты ему
Так, сыночек, говори:

«Пасть открывший волкодав,
Я за тем к тебе пришел,
Чтоб молочные свои
Зубы все тебе отдать.

Дай взамен мне, волкодав,
За молочные мои,
Песьей гордостью твоей
Зубы ставшие не зря.

Могут мясо размолоть
Зубы слабые мои,
Зубы крепкие твои
Кость легко перегрызут.

А как ты уступишь мне
Зубы крепкие свои,
Стану мясом, что ни день,
Досыта тебя кормить.

ПРИЧИТАНИЕ КОЗОДОЯ

Шыр-р-р-ау-у!
Шыр-р-р-аа!
Птица ночная,
Вновь до утра

Над пастбищем стану
Я — козой —
Низко летать
От печали седой.

У перепелки
Птенцов не счесть,

У дергача
Их немало есть.

А у меня
Было четверо их,
Да змея сожрала
Всех четверых.

Шыр-р-р-ау-у, тыбырык!
Это я свищу,
Над землей стелюсь,
Все птенцов ищу.

А чабан плетет,
Не тая угроз,
Будто видел сам,
Что доил я коз.

Шыр-р-р-ау-у,
Тыбырык!
Это мой в ночи
Раздается крик.

НАСТАВЛЕНИЕ ДЯДИ ПЛЕМЯННИКУ ПРИ ВРУЧЕНИИ ДАРОВ — БАРКЫ

...И вот дядя зовет племянника, чтобы вручить ему пряди волос его в замшевом мешочке, а также поднести подарки. Племянник, поклонившись, почтительно говорит:

— С вами, как равный, вступать в разговор
Я не посмею, почтенный таай.
Бросить на вас непочтительный взор
Я не посмею, бесценный таай.

Мальчик трехлетний я был наголо
Вами острижен, почтенный таай.
Мне даже сиротство грозить не могло:
На помощь всегда бы пришли вы, таай.

Теперь, возмужавший, пред вами стою,
Чтоб получить наставленье, таай.
В лесу на охоте и в честном бою
На вас походить я желаю, таай.

*Дядя, пригубив поднесенное племянником
ритуальное вино, изрекает:*

— Коль соколом стал соколенок в роду,
Должен он волей своей дорожить.
Взлетать не с перчатки у всех на виду,
А с дикой скалы, что касается туч.

На скачках, как всадник, коня торопи,
А слово — не конь, если ринулся в спор.
Душою в горах будь подобен степи,
Душою в степи будь вершине под стать.

Тебе возвращаю волос твоих прядь
И подношу для охоты ружье.
Патронов зазря на охоте не трать
И ради забавы в зверье не стреляй.

Какой бы эргек* не имел человек,
Не дай обвести вокруг пальца себя.
В напарники брать стерегись неумех
И глотку лжецу ты при людях заткни.

* Эргек — большой палец.

Пойдешь на охоту — гляди, чтобы трус
Не увязался вослед за тобой.
Запомни, что лесть, хоть медова на вкус,
Опаснее яда бывает стократ.

Не дай на безгрешного вешать собак,
А грешника делать святым не давай.
Да будет счастливым на небе твой знак,
Да будет прославленным имя твое!

На это племянник отвечает:

— Ляжет ли близко тропа иль далеко,
Благодарю вас, таай.
«Дядино слово — племянника око», —
Сам говорю я, таай!

Много стреляя, не станешь мергеном*,
Много болтая — стрелком.
И неподвластно любым переменам
Чувство, с которым знаком.

Повода не должно быть у таая
Бросить однажды с тоской:
«Лучше бы волчья мне встретилась стая,
Нежли племянник такой!»

В жизни на ветер не брошу зарока,
Память, страницы листай!
Дядино слово — племянника око.
Благодарю, вас, таай!

* Мерген — меткий.

Гимны земли-воды Алтая

ВЕСЕННЕЕ ПОКЛОНЕНИЕ СВЯЩЕННОЙ ГОРЕ БАБЫРГАН ТОДОШСКИМ ПЛЕМЕНЕМ, ОТ ИМЕНИ КОТОРОГО ГОВОРIT ПОЧТЕННЫЙ СТАРЕЦ БАН-БУШАЛДАЙ*

Первосвященная наша гора,
Ала-Бабырган**,
Ала-Бабырган!
К нам преисполненная добра,
Ала-Бабырган,
Ала-Бабырган!

Нового года встречая приход,
Даль озвучавшие звоном стремян.
Мы тебе свой выражаем почет,
Ала-Бабырган,
Ала-Бабырган!

Издадека возвратившихся птиц
Слышатся трели, Ала-Бабырган.
В долах набухли соски кобылиц,
Дышится сладко, Ала-Бабырган.

Вольная матушка наша — Катунь
Буйно ликует,
Ала-Бабырган.

* Бан-Бушалдай — тодошский старейшина.

** Ала-Бабырган — поклонная гора тодошей.

Небо на ней расплавляет латунь,
Снова шикует
Ала-Бабырган.

Лунные пуговики шуб дорогих
Белых гольцов расстегнулись в срок.
И распахнулись шесть золотых
Красных дверей твоих царственных.
Чёок!*

Здравствуй, Дьер-Су**, защитившая нас,
Здравствуй, Катунь!

Изгибая свой стан,
Ты заключаешь в объятья всяк час
Ала-Бабырган,
Ала-Бабырган.
Нет, не по чину, а по старшинству,
Не предводитель в роду, не шаман,
Я — Бан-Бушалдай —
Поклониться зову
Ала-Бабырган,
Ала-Бабырган!

Вечно гнездимся за пазухой гор
Мы, твои соколы, звездный Алтай.
Звезды под мышкой твоей до сих пор
Тоже от века живут здесь, считай.

Ты ниспошли нам свою благодать,
Пусть приумножится древний наш род,

* Чёок — восклицание при ритуальном возлиянии
молока.

** Дьер-Су — божество отчей земли и вод.

Будем охотой, как встарь, промышлять
И для полмира выкармливать скот.

Сброшены шапки и сняты ремни,
Молим,

покуда край неба багрян:
Ты от безликости нас охрани,
Ала-Бабырган,
Ала-Бабырган!

Правой рукою
Я — Бан-Бушалдай —
Солица коснулся,
молитвой влеком.
Благословляю тебя, мой Алтай,
Горы окрест окропив молоком.

Левую руку
Я — Бан-Бушалдай,
Помнить обычаи давший зарок, —
Вновь над тайгой простираю, Алтай,
Чтоб молоком окропить ее.
Чёок!

Честному люду родимой земли,
Белым стадам и рождению семян
Благословенье на счастье пошли,
Ала-Бабырган,
Ала-Бабырган!

ВОЗЛИЯНИЕ МОЛОКОМ ПРИ ПЕРВОМ ГРОМЕ

Кайракан*, чёок, чёок, чёок, чёок!
Глаз игреневый прищутив,
Небо первый гром весенний
Обронило с черной тучи.

И прервался сон дракона,
Возлежавшего на круче.
И у края небосклона
Он на облако залез.

И поплыл на нем по небу,
Грома ядрами играя,
Молоку, охоте, хлебу
Честь воздавший наперед.

Если с женской половины
Рвется в юрту отзвук грома,
Говорят не без причины:
— Быть удою в этот год!

А как с мужней половины
Рвется в юрту отзвук грома,
Говорят не зря мужчины:
— Фарт охотнику идет!

Масти огненной барана
Принести должны мы в жертву
От-Эне,
 что из колчана
Вынимает стрелы вновь.

* К а й р а к а н — возглас благодарения.

У богини конь соловый,
Скачет по небу богиня.
И у тридцатиголовой
Рдеет солнечный кушак.

Кайся, грешник, кайся, кайся,
От-Эне по небу скачет.
Хочешь, нет ли, но считайся
Ты с привычкою ее.

Почивать она доселе,
Как и в прежние столетья,
Любит, но не на постели,
А на голубой золе.

На кошме разложим белой
С молоком пред нею чаши,
И баран зажарен целый
Будет пусть для От-Эне.

Улуу* должны с ней вместе
Угостить мы аракою
И в честь грома — доброй вести —
Вереск воскурить должны.

Кайракан!

Все юрты снова
Обойдем по кругу солнца.
И благодаренья слово
Скажем, молоком кропя.

Да заказан путь недугу
Будет пусть в жилье алтайца,
И священные по кругу
Обойдем березы мы.

* У л у у — дракон.

Ленты белые привяжем
Мы к березам белотелым,
«Кайракан» все разом скажем,
Поклонившись небесам.

Реки сбросили кольчуги,
И трава зазеленела.
Возольем в честь грома, други,
Молоко, чёок, чёок, чёок, чёок!

БЛАГОСЛОВЕНИЕ КЕДРУ

Где висит тропа витая
Над обрывом скальных стен,
Кедр таежный, страж Алтая,
Будь вовек благословен!

Статью славишься прямою,
И высок ты, и удал,
И случилось, что зимою
Нас от вьюги укрывал.

К твоему стволу пристроясь,
Лежа в шубах меховых,
О былом услышать повесть
Мы могли из уст твоих.

Тьму пронзая полусветом,
К нам до самого утра
Пламя ластилось при этом
Языкатого костра.

А когда в котле сварили
На костре мы толокно,
Толокном тебя кормили,
Сами ели заодно.

Это прадедов обычай
(Их обычаи благи),
И с богатой мы добычей
Возвращались из тайги.

В дождь и пешим ты, и конным,
Как в горах о том рекут,
Под своим шатром зеленым
Всякий раз давал приют.

Прилетала птичья стая,
Забирала сердце в плен.
Кедр таежный, страж Алтая,
Будь вовек благословен!

Ты в серебряном доспехе
В день осенний, полный сил,
Золотые нам орехи
Словно в слитках подносил.

И вздымать тебе не ново
При зардевшемся луче
Белку — клочок огня живого —
На подоблачном плече.

К небесам себя взметая,
Отвергая смерть и тлен,
Кедр могучий, страж Алтая,
Будь вовек благословен!

Глянет в сторону истока,
Выйдя на берег, марал,
А затем лишь из потока
Он напьется среди скал.

И охотники под кручей,
Когда пить сойдутся чай,

О тебе, о кедр могучий,
Вспомнят словно невзначай.

Знаки звездные читая,
Удостоенный письмен,
Кедр могучий, страж Алтая,
Будь вовек благословен!

И среди тоски дорожной,
Где-то в дальней стороне,
Ты алтайцу, кедр таежный,
Снова явишься во сне.

Будто белка золотая,
Снится месяца взамен.
Кедр могучий, страж Алтая,
Будь вовек благословен!

ОПЛАКИВАНИЕ УБИТОГО МЕДВЕДЯ

Охотники (в один голос):

О дядя лесной, незабвенный Аю*,
Благословенный, почтенный Аю!

Первый охотник:

Богата лохматая шуба твоя,
Сверкает, как золото, красы не тая.

Охотники (в один голос):

Не жарко ли, дядя, тебе у костра?
А может, любезный, снять шубу пора?

(Начинают снимать шкуру.)

* А ю — медведь.

Первый охотник:

Твоя голова, что котел, здорова,
Под этим котлом запалим мы дрова.

Охотники *(в один голос)*:

И в этом котле, незабвенный Аю,
Мы чаю наварим во славу твою.

(Отрезают медвежью голову.)

Второй охотник:

Открой-ка свою знаменитую пасть,
В которой так запросто было пропасть.

Первый охотник:

Отменны в ней зубы, остры и крепки,
Как будто бы камушки горной реки.

Остальные охотники:

Позволь нам на память их вырвать зараз,
Чтоб дух твой, Аю, не преследовал нас.

(Вырывают медвежьи зубы.)

Второй охотник:

Ах, дядя, прости, мы забыли, ей-ей,
Пыль времени выбить из шубы твоей.

Третий охотник *(взяв палку)*:

По шубе лохматой я палкою бью,
Но словно не слышит, не дышит Аю.

*(Бьет палкой по шкуре медведя,
прислушивается.)*

А может, как в зимней берлоге он спит?
А может, на дымной дороге убит?

Первый охотник:

Не слышит, не дышит, ревмя не ревет,
Мы дядю уважим, окажем почет!

Все в один голос:

Ах, что же нам делать, ах, как же нам
быть?

Когда бы мы дядю могли воскресить.
Да только смекнуть не сумеем и впредь,
Как снова нам шубу на дядю надеть.

Второй охотник:

Нельзя его здесь оставлять одного,
Сожрет росомаха все кости его.

Первый охотник:

А ворон, что черен, как будто гроза,
Выклевывать дядины станет глаза.

Все в один голос:

Достойно помянем мы душу его
И дружно разделаем тушу его.

Первый охотник:

Поджарим язык, погружая в костер,
Чтоб дядя о прошлом повел разговор.

*(Поджаривают медвежий язык
на угольях костра.)*

Третий охотник *(подражая медвежьему рыку)*:

Ходил я чужою дорогой в торах,
Рычал и бросал безоружного в страх.
Под каждую лапой валежник трещал,
Шатун косолапый, людей я стращал.
И сам виноват я, бродяга Аю,

Что пал у оврага, как будто в бою.
В лесу не щадил бурундучьих я нор,
Припасы тащил из них, будто бы вор.

Все в один голос:

Зачем же, зачем же в таежном краю
Ты грабил соседа, разбойник Аю!?

Третий охотник (подражая медвежьему рыку):

Я каюсь, я каюсь, не раз по стволу
К пчелиному я добирался дуплу.
И лапою в мед золотой залезал,
Пируя, сладчайшую лапу сосал.

Охотники (в один голос):

Зачем же, зачем же, на лапу тяжел,
В лесу разорял ты старательных пчел?

Третий охотник (подражая медвежьему рыку):

Когда б не погиб я, грешил бы и впредь,
Наследному норову верен медведь.
Бывало, хотелось мне кислого съесть,
За кислым не надо на дерево лезть.

Охотники (в один голос):

Обидчиком слабых прослыл ты, Аю,
Пчелу разорял и грозил муравью.

Третий охотник (подражая медвежьему рыку):

Ох, горе мне, горе, погиб я, пропал
За то, что законы тайги преступал.
И наперерез моей скрытой стези
Охотников выслал Алтай-ээзи*.

* Алтай-ээзи — высший покровитель Алтая.

Охотники (в один голос):

Почто так речешь, разорви твою пасть,
Недолго на всех нас накликать напасть!
Разгневаться может дух предков твоих,
Удачи лишить нас в пределах лесных.
О собственной жизни ничуть не скорбя,
Вот так ты оплакивать должен себя!

Третий охотник (подражая медвежьему рыку):

Однажды под выстрел, хвала небесам,
Подставил подмышку я лысую сам.

Однажды упал я, спасаясь от пчел,
И брюхо смертельно суком распорол.

Однажды, малины наевшись лесной,
Блаженно заснул я под медной сосной.

За это медянка средь белого дня
Смертельное жало вонзила в меня.

Однажды погреться залез на скалу,
Заснул и сорвался в бездонную мглу.

И грозный хозяин Алтай-ээзи
Сказал:

— На тот свет свои кости вези!

Охотники (в один голос):

О, горе, погиб наш почтенный Аю,
Прикончить себя наказал он ружью.
И должен немедля, святому под стать,
Аю на том свете о том рассказать.

Первый охотник (остальным):

Ах, как же он может, подумайте вы,
В дорогу отправиться без головы?

На место ее возвратить нам пора,
Туда, где она находилась вчера.

*Приставляя медвежью голову к туловищу,
спрашивает других охотников:*

Приставил я так ли, взгляните скорей?

Остальные охотники:

Неверно, неверно, приставь поровней!

Первый охотник:

Теперь как, скажите?

Остальные охотники:

Примерься сперва!

Первый охотник (*примеряясь*):

Теперь как?

Остальные охотники (*радостно*):

На месте стоит голова!

Второй охотник:

А с шубой что делать?

Третий охотник:

Загоним ее!

Второй охотник:

Сменяем на порох, на дробь, на ружье!

Первый охотник:

Нет, шубу его продавать нам не след,
Иначе не сможем избежать мы бед.

В стенах городских—не в медвежьем углу—
Расстелят ее на паркетном полу.

Духами дыша, а не ветром тайги,
Придется ей скрадывать чьи-то шаги.

И женщина будет на шубе лежать,
И станет мужчина ее обнимать.

Тогда возвратится дух гневный Аю
На эту поляну к лесному ручью,

Начнет он над царством древесных корней
Всенощно пугать и людей, и коней.

Мы шубу его под колодой должны
Поглубже зарыть до восхода луны.

Остальные охотники:

Зароем и скажем: — Почтенный Аю,
Благословенный, степенный Аю,
Зимой мимо нас впереди проходи,
А летом, гляди, позади проходи!

В наш сон не врывайся, взъяренно рыча,
Беги, коль срываем ружье мы с плеча.
И каждый в твоём именитом роду
Пусть лапой не раз побывает в меду!

Пройдешь ли вдали ты, пройдешь ли вблизи,
Мы снова восславим Алтай-ээзи!

*(Охотники, уходя, кланяются и стреляют
из ружей)*

ПЛАЧ МЕДВЕДИЦЫ ПО УБИТОМУ ДЕТЕНЫШУ

Матерь племени бурых медведей,
Потеряв медвежат своих малых,
С налитыми сосками брожу я
По таежным лощинам и падам.

Был один мой сынок косолапый
Возле самой берлоги застрелен,
А другой мой сынок несмышленный
От испуга разбился о камень.

А мой первенец прошлой весною
Был матерыми ловчими схвачен
И посажен в мешок припасенный
И живьем увезен на продажу.

Хоть взъяренно, ломая валежник,
Я летела вослед этим ловчим,
Но догнать не смогла их, проклятых,
Укатали в машине вонючей.

Я в печали и гневе корову
На опушке лесной растерзала,
И с моими слезами смешались
Ее кровь, молоко и погибель.

Матерь племени бурых медведей,
Укоряла Алтай-ээзи я:
«Или скрылся Хозяин в пещере
Той горы, что подобна железу?

Видно, двери закрывши в пещеру,
Ты не видишь, как нас убивают,
Или, может быть, тварям двуногим
Отдал ты на погибель нас ныне?

И куда мы ни ткнемся ноздрями,
Всюду пахнет в тайге человеком.
И двуногих, что с ружьями ходят,
Стало больше, чем бурых медведей.

Я молилась созвездьям Медведиц,
Заклинала их, на небо глядя,
Чтобы нам с высоты путеводной
Указали дорогу к спасенью.

Покровительства неба искала
Я для племени бурых медведей,
Чье в потомственных дебрях таежных
Может семя исчезнуть навеки.

Еще помнят нестарые сосны,
Как в соседстве маралов и лосей
Жили мы, наслаждаясь покоем,
Изобилием ягод и меда.

Было мало в ту пору двуногих,
Что охоту вели на медведей,
И при этом они почитали
Непреложный обычай охоты:

Брали столько, сколь надо — не больше,
И не жгли они пороха ради
Бесшабашной, жестокой забавы,
В медвежат не стреляли, как ныне.

Мать-Солнце, не видишь ли с неба,
Куда делся Хозяин Алтая,
Наш заступник и наш покровитель,
Или, может, отрекся от власти?

Прародитель двух звездных Медведиц,
Лунный месяц, не видишь ли с неба,

Где Алтай-ээзи, что обязан
Защищать всех зверей подопечных?

Не одной мы с двуногими крови,
Не одной мы с двуногими речи,
В схватках равенства нет между нами:
Зверя бьют они на расстояньи.

И, зубастые пилы вонзая
В вековые стволы без пощады,
Над берлогами валят деревья,
Жгут костры возле нор соболиных.

Стали горы, как пах у оленя,
Поднебесные горные кручи —
Колыбели потоков таежных,
И мелеют все гибельней реки.

Матерь племени бурых медведей,
К водопою хожу я все дальше.
И могу я с трудом прокормиться,
Меньше стало и ягод, и меда.

Об одном я мечтаю все лето:
Поскорей бы зима наступила,
Чтоб залечь на всю зиму в берлогу
И забыть о еде и напастях.

Где закон меж людьми и тайгою,
Меж людьми и зверьем поредевшим?
Овдовела я, осиротела,
Матерь племени бурых медведей.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ О ПОРОЧНОСТИ АЛЧНОСТИ И ХВАСТОВСТВА

Пилемен — Филимон —
Носит прозвище он
«Не бери топора,
Оставь душу».

Филимон — «Бородища в охапку» —
Из кержачьего племени родом*,
Поселился у нас на Куюме
И не чтит он законов таяжных.

Зверя бил, сколь хотел, по чащобам,
Продавал вязки шкурок собольих,
И пред тем как идти на охоту,
Ездил в город к бабенкам гулящим.

И однажды в тайге не ко сроку
Заодно с городскими дружками
Филимон — «Пощади мою душу,
Не бери топора» — появился.

Целый месяц таскались впустую,
Изведя весь табак и патроны,
Сгрызли все сухари из припасов,
Но убить не смогли даже зайца.

И пред тем как домой возвращаться,
Сном решили они подкрепиться,
Филимон — «Бородища в охапку» —
Лег, как будто бы умер на месте.

И явился во сне ему старец,
Грозно сдвинул косматые брови

* Кержаки охотились по алтайским обычаям.

И сказал, как судья, Филимону:
— Ты почто нарушаешь обычай?

Как посмел над тайгой насмехаться,
Бить в глаза кабана и марала,
Уносить с собой голову зверя
И, свежую, ломать его кости?

Как посмел пред купцами ты хвастать,
Что ни в чем не подвластен Алтаю?
Как посмел накануне охоты
Пить вино, предаваясь беспутству?

Вот возьму и багряную нитку,
На которой душа повисает,
Перережу, как жилу на горле
У подранка козла иль марала.

И в холодном поту от испуга
Филимон перед старцем взмолился:
— Душу брать мою повремени ты
И топор погоди уносить мой!

Наперед зарекаюсь я, старец,
Пред купцами тщеславно не клясться,
Брать в тайге, что даруется, в меру
И вести разговоры в ней тихо.

И еще зарекаюсь я, старец,
Не беспутствовать перед охотой,
И, как принято, голову зверя
Оставлять на шесте среди леса.

И самым златоглавым Алтаем
Был помилован великодушно
Филимон — «Не бери мою душу»,
Филимон — «Топора не лишайте».

В небо умчались они во весь дух,
Стали навечно созвездием* там.
Знают охотники, что маралух
Старость не в силах сразить на земле.

В небо, состарясь, видать по всему,
Всходят они, чтобы там умереть.
Высший ырыс выпадает тому,
Кто хоть одной из них череп найдет.

Пороха зорче его береги,
Воду черпать из реки им не след.
С бездною рядом и в дебрях тайги
Он от напасти тебя оградит.

Так говорил мне Туянин Санат,
Что проживает в долине Куюм.
Нынче ему уже за шестьдесят,
Годы свое, как известно, берут.

А молодым —

разудалый тонжан —
Мог он марала сразить на бегу,
Руки ему заменяли аркан,
Быстрые лыжи — лихого коня.

Там, где державные кедры шумят,
Слышал я,
горного барса ловчей,
На спину прыгал маралу Санат,
Всаживал в сердце охотничий нож.

* По алтайским преданиям, три маралухи, убежавшие от охотника на небо, превратились в созвездие, известное в мире под названием Орион.

Добрый сосед мой Туянин Санат,
Вдаль на сто верст от горы Адыган
Ведомо всем, он несметно богат:
Счетом шестнадцать детей у него.

ПТИЦА ОГНЯ

Небесный царь Ульген*,
Творец земли и вод,
Сказал:

— Благословен
Будь под луною мир.

Свет отделил от тьмы
И утвердил черед
Пришествия зимы
И пробужденья рек.

Он в мех облек зверье
И в перья птиц облек,
И слово к ним свое
При этом обратил:

— Да будет вам тепло
В любые холода,
Когда в тайге бело
И пламень солнца стыл.

Но голым человек
Был создан, и его
Ульген обрек весь век
От холода страдать.

* Ульген — высшее божество в алтайской мифологии.

Взмолился голый люд,
Стал заклинать он птиц:
— Вы всюду, там и тут,
Вершите свой полет.

Пред вами, как ладонь,
Лежит земной простор.
Добудьте нам огонь,
Чтобы согрелись мы.

Журавль пожалел
В горах продрогший люд,
К Ульгену полетел
И так сказал ему:

— Ты в мех зверье облек
И перья птицам дал,
Почто же так жесток
Ты с голыми людьми?

Изрек Ульген в ответ:
— Когда им дать огонь,
Затмит весь белый свет
Собой гордыня их...

И, сидя у огня,
Они, познав тепло,
Забудут про меня,
В гордыне возносясь.

Заоблачную высь
Покинь, посланник их,
На землю возвратись,
Мне почивать пора.

И впал в глубокий сон,
На трон присев, Ульген.

И с четырех сторон
Был свод небес открыт.

Журавль взглянул вокруг
И видит:

 две горы
Лбы сдвинули, и вдруг
Стрелой огонь взлетел.

Так был открыт секрет
Рождения огня.
И камень сотни лет
С тех пор кресалом был.

Поныне оттого
Чтут люди журавля,
И выстрелить в него —
Незамолимый грех.

СОДЕРЖАНИЕ

Песни молодого маймана

Песнь узнавания. <i>Перевод А. Медведова</i>	6
Песнь ожившей улыбке. <i>Перевод В. Умеровой</i>	7
Песни-наброски горных равнин. <i>Перевод Я. Козловского</i>	9
Песнь молодого маймана. <i>Перевод Я. Козловского</i>	12
Зимняя песнь комуса. <i>Перевод П. Кошеля</i>	16
Песнь Синего Волка. <i>Перевод В. Широкова</i>	17
Песнь о бегущих девушках. <i>Перевод И. Фоякова</i>	19
Песнь стерегущих золото грифов. <i>Перевод автора</i>	21
Песнь о синем небе Алтая. <i>Перевод Я. Козловского</i>	24
Песнь дней одиноких. <i>Перевод Я. Козловского</i>	28
Песнь о Шуну. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	29
Осенняя песнь-импровизация на шооре. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	30
Песнь о белом снеге. <i>Перевод Я. Смелякова</i>	32
Песнь, посвященная матери. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	33
Песнь о веселом всаднике. <i>Перевод А. Медведова</i>	34
Песнь о торе. <i>Перевод П. Кошеля</i>	35
Песнь-ответ Хан-Алтая. <i>Перевод П. Кошеля</i>	37
Баллада о наречении. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	38
Баллада о первых русских словах и старике Бушалдае. <i>Перевод Я. Смелякова</i>	39
Баллада об алтайской поговорке. <i>Перевод Я. Козловского</i>	43

Небесная коновязь

«Сижу перед отъездом...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	50
«Осень. Исчезли летучие мыши...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	51
«Вспоминаю не без грусти я...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	—
«Серая осень...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	52
«Там небо взорвано...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	53
«О, когда же...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	—
«Нет лучше колыбели для зерна...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	54
«Тяжел Год Курицы, тяжел...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	55
«На опаловую дымку...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	—

«Однорукий табунщик...» Перевод Я. Козловского	56
«Я приехал при новой луне...» Перевод Я. Козловского	—
«Грянул гром...» Перевод И. Фоякова	57
«Странной птицей...» Перевод Я. Козловского	—
«Стремена звенят, но не вижу коныя...» Перевод Я. Козловского	58
«Подобна замерзшему озеру...» Перевод Я. Козловского	—
«Вниз летит по Иртышу...» Перевод Я. Козловского	59
«Хладеет небесная просинь...» Перевод Я. Козловского	—
«Бранил жену...» Перевод Я. Козловского	60
«Приехав без билета на вокзал...» Перевод Я. Козловского	—
«Длинногривый ливень черный...» Перевод Я. Козловского	61
«От наших сплетавшихся рук...» Перевод Я. Козловского	—
«Все дальше и дальше...» Перевод Я. Козловского	62
«Однажды совестливый снег...» Перевод Я. Козловекого	—
«Мы в подножье Алтая...» Перевод Я. Козловского	63
«Синее, синее, синее небо...» Перевод И. Фоякова	64
«Я, словно крылья, руки распластав...» Перевод Я. Козловского	—
«Что препираться? Время...» Перевод И. Фоякова	65
«Каменный порог Эль-Бабургана...» Перевод И. Фоякова	—
«Говорят в тайге мужчины...» Перевод Я. Козловского	66
«Во всем загадка бытия...» Перевод Я. Козловского	—
«От старых этажерок, на которых...» Перевод И. Фоякова	67
«Серебристые птицы...» Перевод И. Фоякова	—
«Это случилось в месяц Кандык...» Перевод Я. Козловского	68
Долина Терен. Перевод Я. Козловского	69

«Осинка-девчонка, слаба и тонка...»	Перевод	70
Ю. Нейман		
«Да буду я глазами для слепого...»	Перевод	71
И. Фонякова		
«Наступленья знымы ожидает Алтай...»	Перевод	—
И. Фонякова		
«Безлюдны юрты, крытые корою...»	Перевод	72
В. Широкова		
«Только сумрак вечерний...»	Перевод И. Фо-	73
някова		
«Как прекрасен и добр мой Алтай...»	Перевод	74
И. Фонякова		
«Сенокос был в разгаре...»	Перевод Я. Козлов-	—
ского		

Из цикла «На западном берегу»

Перевод И. Фонякова

Голос	75
Преодоление	76
Вечность	77
Ножик	78
«Воцарилась холодная мгла...»	79
Песнь прощания с морем	—

Из цикла «Москва вселенская»

Перевод И. Фонякова

«Его встречал я часто одного...»	81
«Нет, не устану я дивиться...»	—
Ласточки	82
«Подлунный мир все хуже с каждым днем...»	83
«Мне услышать недавно, друзья, довелось...»	—
Потомки	—

Золотая кукушка

Перевод Я. Козловского

Берестяная колыбель

1. Рождение ребенка	86
2. Забота отца о новорожденном	87
3. Положение в колыбель	89
4. Колыбельная песня бабушки над люлькой внука	91

5. Колыбельная песня бабушки над люлькой внучки	92
Уважительное слово к Эне-Кижн	93
Первая стрижка волос	95
Колыбельная песня змеи	96
Наставление мальчику при выпадении молочных зубов	—
Причитание козодоя	97
Наставление дяди племяннику при вручении да- ров — баркы	98

Гимны Земли-Воды Алтая

Весеннее поклонение священной горе Бабырган тодошским племенем, от имени которого гово- рит почтенный старец Бан-Бушалдай	101
Возлияние молоком при первом громе	104
Благословение кедру	106
Оплакивание убитого медведя	108
Плач медведицы по убитому детенышу	115
Предостережение о порочности алчности и хвас- товства	118
Наставление о приметах, приносящих ырыс	120
Птица огня	122

Бронтой Янгович Бедюров

ЭЛЬ-БАБУРГАН

Книга стихов. Перевод с алтайского

Редактор В. Извеков

Художник В. Чукуев

Художественный редактор В. Максименко

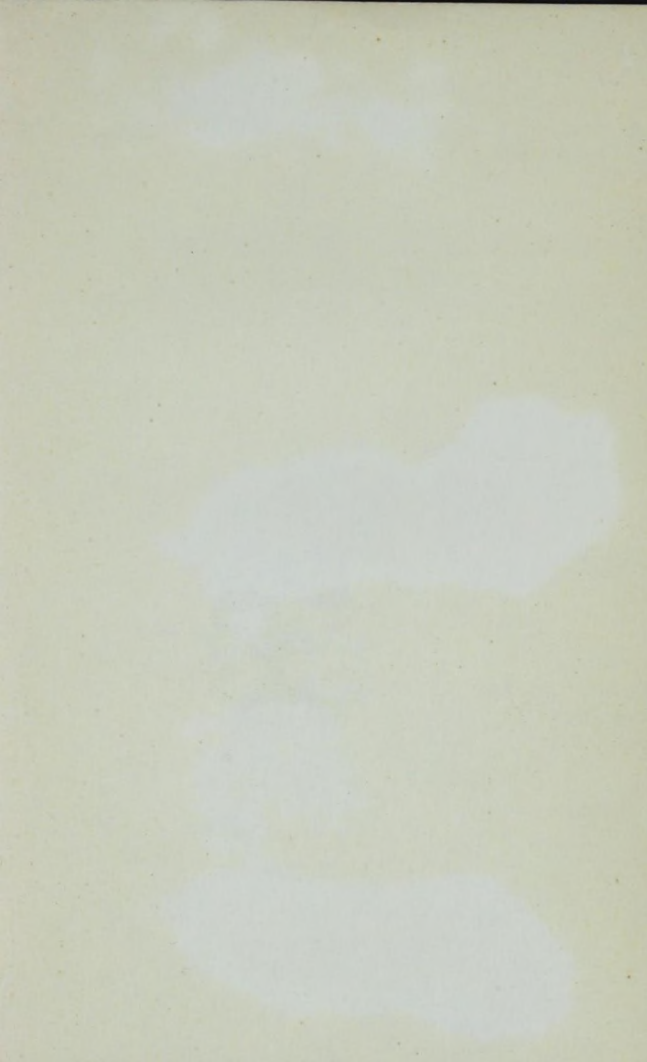
Технический редактор М. Сафонова

Корректор Н. Тырышкина

ИБ № 1075

АГ 09999: Сдано в набор 6. 01. 1982 г. Подписано к печати 7. 03. 1982 г. Формат 70х90/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,68. Уч.-изд. л. 5,024. Усл. кр.-отт. 4,83. Тираж 5000 экз. Заказ № 23. Цена 50 коп.

Алтайское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли — 656015, Барнаул, пр. Ленина, 76. Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли крайисполкома — 656023, Барнаул, ул. Г. Титова, 3.

50 коп.

